

E D E N K A T I N E

АВЕРЛОН:
ВОЙНА
5 КОРОЛЕВСТВ

18+

Eden Kaine

Аверлон: Война Пяти Королевств

«Автор»

2026

Kaine E.

Аверлон: Война Пяти Королевств / Е. Kaine — «Автор», 2026

«Аверлон. Война Пяти Королевств» — это прямое продолжение истории "Аверлон", в котором мир рушится на глазах, а Элира, чудом избежавшая гибели, оказывается в центре кровавого водоворота. Пленница в собственной столице, она становится пешкой в руках нового правителя — Тёмного Царя, чьи намерения окутаны тайной, а чувства к ней пугают и отталкивают. Пока королевства истекают кровью, а старая магия просыпается от многовекового сна, герои будут искать ответы на вопросы, которых боятся сами боги. Здесь нет правильных решений. Есть только цена, которую ты готов заплатить, и каждый новый шаг отзывается эхом в вечности, меняя не только судьбы героев, но и саму суть мироустройства. Добро пожаловать в Аверлон. Здесь никто не останется тем, кем был прежде.

© Kaine E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
Часть Первая	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	38
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	47
Часть Вторая	50
Глава 16	51
Глава 17	55
Глава 18	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Eden Kaine

Аверлон: Война Пяти Королевств

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

ВНИМАНИЕ!

Данная книга является **ПРЯМЫМ ПРОДОЛЖЕНИЕМ** первой части дилогии «Аверлон» и предназначена **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ**. Автор не рекомендует начинать знакомство с миром Аверлона с этой книги, для полного понимания сюжета и мотивации персонажей необходимо прочитать первую часть.

КНИГА СОДЕРЖИТ:

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ

Сцены физического и психологического принуждения сексуального характера, включая элементы доминирования, унижения и подавления воли.

Изображение последствий сексуального насилия для жертвы.

Откровенные эротические сцены в контексте токсичных и созависимых отношений.

ЖЕСТОКОЕ НАСИЛИЕ И КРОВАВЫЕ СЦЕНЫ

Масштабные батальные сцены: осады городов, штурмы крепостей, массовые казни.

Подробные описания ранений и смерти: расчленённые тела, обезглавливание, внутренние органы.

Сцены пыток, в том числе публичные казни.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МАССОВЫЕ УБИЙСТВА

Изображение жестокости войны: гибель мирных жителей, сожжённые города.

Использование оружия массового поражения

ТЁМНАЯ МАГИЯ И ОККУЛЬТИЗМ

Использование магии для подчинения воли и управления разумом.

Сцены с жертвоприношениями и оккультными ритуалами.

Воскрешение мёртвых.

Магическое порабощение живых существ.

ТОКСИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА

Изображение газлайтинга, манипуляции, изоляции и контроля.

Психологические последствия насилия: ПТСР, потеря рассудка, диссоциация.

Суицидальные мысли и депрессия.

СЕМЕЙНАЯ ТРАГЕДИЯ И ПОТЕРЯ

Гибель родителей и детей.

Предательство внутри семьи.

Трагическая судьба персонажей.

КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ:

Лицам с ПТСР, связанным с сексуальным насилием, абьюзивными отношениями или домашним насилием.

Лицам, для которых триггером являются сцены доминирования, принуждения и подавления воли.

Лицам с опытом травматических отношений в семье (особенно с нарушением родственных границ).

Несовершеннолетним читателям.

Читателям, ожидающим лёгкого романтического фэнтези без элементов насилия и мрачной эстетики.

ВАЖНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ:

Автор **НЕ ОПРАВДЫВАЕТ** и **НЕ РОМАНТИЗИРУЕТ** насилие, абьюз, инцест, манипуляцию или жестокость. Все изображённые отношения — это **ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ**, иллюстрирующий механизмы травматической привязанности, созависимости и борьбы героини за свою свободу и идентичность. Персонажи книги не являются образцом для подражания. Их поступки и решения продиктованы сюжетными обстоятельствами и не должны восприниматься как руководство к действию в реальной жизни.

ЕСЛИ ВЫ ИЛИ ВАШИ БЛИЗКИЕ СТАЛКИВАЕТЕСЬ С:

Домашним насилием

Сексуальными домогательствами

Абьюзивными отношениями

Психическими расстройствами

ОБРАТИТЕСЬ К СПЕЦИАЛИСТАМ. Ваша безопасность и благополучие важнее любой истории. Книга остаётся книгой. Ваша жизнь и ваше благополучие — реальны и бесценны.

Автор благодарит вас за внимание к предупреждению и надеется, что чтение доставит вам удовольствие, не причиняя вреда.

ПРИМЕЧАНИЕ

В тексте книги используются названия и фрагменты музыкальных произведений. Это сделано исключительно в рамках художественного повествования — для создания атмосферы, усиления эмоционального восприятия сцен и более глубокого погружения читателя в мир героев. Автор не присваивает себе права на упомянутые произведения и выражает глубокое уважение их создателям. Все цитаты используются с единственной целью — помочь читателю прочувствовать историю так же остро, как её чувствуют персонажи.

Часть Первая

«Знамена над пропастью»

Глава 1

Король в белом

Замок из бело-красного камня вздымался над городом. Его стены, сложенные из чередующихся блоков известняка и базальта, создавали иллюзию, будто по камню стекают бесконечные струи запёкшейся крови, и в пасмурном свете дня, что сочился сквозь вечную пелену тумана, эта иллюзия казалась почти реальной. Замок стоял в самом сердце Симона — столицы, что раскинулась на восточном побережье острова Грин, там, где Туманное море лизало скалистые берега своими студёными волнами. Город был древним, его узкие улочки, мощённые чёрным булыжником, помнили ещё те времена, когда Грендвуд не склонял головы ни перед одним королевством. Когда его воины пересекали Туманное море на длинных кораблях и возвращались с трюмами, полными золота, и палубами, залитыми вражеской кровью. Теперь те времена ушли, как уходит вода в отлив, оставляя после себя лишь мокрый песок и обломки раковин.

Тронный зал был освещен лучами закатного солнца. Высокие окна, забранные витражами из алого и белого стекла, пропускали лучи, что окрашивали пол в багровые и молочные полосы. Вдоль стен выстроились колонны, инкрустированные тёмными гранатами. Король Алекс восседал на троне из белого дерева, и казался частью этого места — такой же древний, такой же тёмный, такой же пугающий. Ему было далеко за шестьдесят, время не смягчило его черт, а лишь заострило их, превратив в нечто хищное, почти нечеловеческое. Его волосы, совершенно седые, ниспадали на плечи длинными прямыми прядями, напоминавшими замёрзший водопад. Лицо его было узким и вытянутым, словно кто-то взял человеческий череп и обтянул его тонким слоем пергаментной кожи, слишком тесной для костей. Скулы выступали острыми углами, под ними проваливались глубокие впадины щёк, а подбородок был длинным и заострённым, придавая всему лицу сходство с мордой хищной птицы. Нос тонкий, с горбинкой, нависал над узкими губами. Глаза были выпуклые, почти вылезающие из орбит. Цвет их был бледно-серым, как вода в леднике, и сейчас они были устремлены на юную девушку, что сидела у него на коленях.

Она была прекрасна, красотой юности, свежей и невинной, как плод яблока, только что сорванный с ветки, ещё покрытый утренней росой. Ей было едва ли семнадцать, и её тело, ещё не до конца оформившееся, дышало особенной хрупкостью, что сводит с ума стариков. Кожа её была белой, как топлёное молоко, и на ней, казалось, не было ни единого изъяна — ни родинки, ни шрама, ни морщинки. Волосы, золотисто-русые, рассыпались по плечам мягкими волнами, и в свете жаровен они отливали мёдом. Она была одета в лёгкое платье из белого шёлка, оно сползало с одного плеча, обнажая ключицу.

Алекс играл с ней лениво, рассеянно, с оттенком жестокости, которая для него была столь же естественной, как дыхание. Его костлявые пальцы, унизанные тяжёлыми перстнями, скользили по её плечу, спускаясь ниже, к груди. Он ущипнул её, так, что она вздрогнула и издала короткий смешок, похожий на звон колокольчика. Он наклонился и впился губами в её шею, оставляя на белой коже красный след. Девушка снова рассмеялась, запрокидывая голову назад, и её волосы заструились по его плечу, как золотой водопад. Ему нравился этот смех. Нравилась эта податливость. Нравилось ощущение власти над юной плотью, что ещё не знала ни старости, ни боли, ни разочарования.

Он потянул за край её платья, и тонкий шёлк соскользнул вниз, обнажая грудь — маленькую, упругую, с бледно-розовыми сосками. Алекс улыбнулся, и наклонился, касаясь губами её соска. Девушка ахнула, её тело выгнулось дугой.

— Ваше Величество... — прошептала она со смущением. — Вы же знаете, я боюсь щекотки...

— Боишься? — прошелестел он, не отрывая губ от её кожи. Его голос был сухим и скрипучим, старческий оттенок. — Страх — это пища для души, моя дорогая. Без страха жизнь пресна.

Он снова ущипнул её, и девушка вскрикнула. Алекс наслаждался ею, наслаждался её телом, её невинностью, которую он мог разрушить в любой момент.

Звук шагов заставил его остановиться. Алекс поднял голову, не выпуская девушку из рук, и его выпуклые глаза устремились в полумрак, где между колоннами двигалась фигура. Девушка, почувствовав перемену в его настроении, затихла и попыталась прикрыться, но Алекс удержал её за запястье, не позволяя натянуть платье обратно. Вошедший был высок и строен, и его фигура, затянутая в тёмно-синий дублет из тонкой кожи, двигалась с грацией. Ему было около пятидесяти, каштановые волосы, густые и выующиеся, ниспадали до плеч крупными кудрями, и в них уже пробивались первые серебряные нити. Аккуратная борода, подстриженная ровно по линии челюсти, обрамляла лицо, которое когда-то, вероятно, было красивым. Теперь же эта красота была разрушена. Шрам перечёркивал лицо наискосок — он начинался над правой бровью, там, где когда-то был глаз, спускался через пустую глазницу, затянутую грубой черной тканью, и уходил вниз, через щеку, к углу рта, исчезая в бороде. Второй глаз, оставшийся целым, был тёмно-карим. Это был Милон. Единственный советник короля Алекса, его правая рука, его голос, его тень.

Милон остановился в нескольких шагах от трона и опустился на одно колено, склоняя голову в глубоком поклоне.

— Ваше Величество, — произнёс он. — Пришли вести от Тёмного Царя. Он захватил Дрейнбург.

Тишина, что повисла в зале после этих слов, была подобна тишине перед грозой — тяжёлой, звенящей, полной невидимого напряжения. Алекс медленно выпрямился на своём троне, а его узкие губы растянулись в подобии улыбки. Он резким движением скинул девушку с колен. Она едва удержалась на ногах, схватившись за подлокотник трона, её платье всё ещё было спущено, обнажая грудь. Алекс не обратил на это внимания. Вместо этого он замахнулся и с силой шлёпнул её по ягодице.

— Иди в мои покои, — приказал он. — Жди меня там. И не вздумай заснуть.

Девушка, покраснев и торопливо поправляя платье, присела в неловком реверансе и бросилась прочь из тронного зала. Алекс проводил её взглядом, а затем повернулся к Милону.

— Поднимись, — сказал он. — Говори. Что с лжекоролём?

Милон поднялся с колена и выпрямился во весь рост. Он был выше своего короля на голову.

— Тёмный Царь не указал в письме о нём, — ответил он, и в его голосе прозвучала лёгкая нотка разочарования. — Он сообщил лишь, что захватил Дрейнбург, что принцесса Элира у него и что армия Брендвуда перешла под его командование. О судьбе лжекороля — ни слова.

Алекс хихикнул. Это был странный, неприятный звук — высокий, дребезжащий, похожий на скрежет металла по стеклу. Он откинулся на спинку трона и постучал костлявыми пальцами по подлокотнику.

— А что же Вильям? — спросил он, и в его голосе послышалось злорадное любопытство. — Как этот старый дуб пережил предательство?

Милон на мгновение замолчал. Его единственный глаз встретился с выпуклыми глазами короля.

— Король Вильям мёртв, — сказал он. — Мои связи доносят, что его обезглавил собственный главнокомандующий прямо перед строем. Принц Гарольд сумел добраться до своей столицы и сейчас в Лендроне вместе с матерью. О принцессе Кастилии пока ничего не известно.

На мгновение в зале повисла тишина, а потом Алекс рассмеялся. Торжествующий смех разнёсся под сводами тронного зала. Он смеялся долго, запрокинув голову, и его седые волосы разметались по спинке трона, как серебряные водоросли. Когда смех наконец стих, он ударил кулаком по подлокотнику.

— Мой мальчик превзошёл самого себя! — воскликнул он, и его голос дрожал от восторга. — Я ожидал, что он возьмёт Дрейнбург, я ожидал, что он захватит принцессу, но убить старика Вильяма! — Он снова рассмеялся, качая головой. — Ах, какая дерзость! Какая наглость! Мой мальчик вырос, Милон. Вырос и стал мужчиной.

Милон стоял неподвижно, ожидая, пока король закончит излияния. Когда Алекс наконец затих, вытирая уголок глаза костлявым пальцем, советник заговорил снова:

— Что прикажете ответить Тёмному Царю? И какие будут дальнейшие указания?

Алекс откинулся на спинку трона и на мгновение задумался. Его глаза устремились куда-то в пустоту, в пространство между колоннами. Он постукивал пальцами по подлокотнику — медленно, ритмично, словно отсчитывая такт неслышной мелодии.

— Ещё рано, — произнёс он наконец. — Рано нам выходить на сцену, Милон. Мы прибудем на материк, когда всё будет готово. Когда яблоко созреет и само упадёт в нашу ладонь. — Он перевёл взгляд на советника и улыбнулся. — Напиши моему мальчику в ответ. Скажи, что я доволен. Скажи, что я горжусь им. И скажи... — он сделал паузу, и его улыбка стала шире, обнажая пожелтевшие зубы, — ...скажи, чтобы он не затягивал с Элирой.

Милон склонил голову, принимая приказ.

— Как пожелаете, Ваше Величество, — произнёс он и, пятясь, сделал несколько шагов назад, прежде чем развернуться и направиться к выходу из тронного зала.

Алекс снова хихикнул и постучал пальцами по подлокотнику трона.

— Скоро, — прошептал он в пустоту. — Скоро.

Глава 2

Королевство Брендвуд. Столица. Зал Совета.

Зал Совета в Лендроне был выстроен вокруг живого дуба, что прорастал сквозь каменный пол и уходил ветвями в самый потолок, раскидывая их, как руки древнего божества. Но сегодня это божество молчало. Его листва, обычно шелестящая даже в безветренную погоду, замерла, словно само дерево прислушивалось к тому, что происходило внизу, и не смело выдать своего присутствия.

Вдоль стен тянулись резные панели из светлого ясеня, изображавшие подвиги брендвудских королей: великанов, что шагали бок о бок с людьми, друидов, что вызывали дождь и останавливали реки, и серебряное дерево, чьи корни уходили в череп. Но сейчас эти картины казались насмешкой, памятником былому величию, что рушилось на глазах.

Трое мужчин сидели за длинным столом и тишина, что висела в зале, была густой, как болотный туман. Советник Вилл, казначей Брендвуда, был грузным человеком с круглым лицом, напоминавшим перезрелый персик. Его щёки, обычно румяные и лоснящиеся, сейчас обвисли, как сдувшиеся мехи, а маленькие глазки, заплывшие жиром, беспокойно бегали от одной резной панели к другой, ни на чём не задерживаясь. Он нервно теребил край своего бархатного дублета и пальцы его, пухлые и короткие, оставляли на ткани влажные пятна.

Рядом с ним сидел советник Теодор, хранитель брендвудских летописей и законов. Он был полной противоположностью Вилла: тощий, как скелет, обтянутый сухой кожей, с длинной шеей, на которой кадык ходил вверх-вниз при каждом глотке. Его волосы, когда-то чёрные, теперь напоминали пепел, припорошивший голову, и были зачёсаны набок так, что обнажали высокий лоб, изрезанный морщинами, словно старая карта.

Третий, начальник стражи Зерод, был воином до мозга костей. Широкий в плечах, с длинной шеей, он сидел, подавшись вперёд, и его грубые ладони лежали на столе. Лицо его было неподвижным, как каменная маска, а глаза горели тревогой. Он смотрел на пустующее кресло во главе стола — то самое, что раньше занимал король Вильям.

Гарольд метался по залу, как зверь в клетке. Его шаги быстрые, нервные, срывающиеся — отдавались от каменных плит гулким эхом. Его каштановые волосы, обычно идеально зачёсанные набок и блестящие от масла, теперь свалились в колтуны и падали на лоб сальными прядями. Лицо осунулось, под глазами залегли тёмные круги, а губы, ещё недавно такие пухлые и надменные, превратились в тонкую бледную линию. Он ходил. Взад-вперёд. Взад-вперёд. Его пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались, и он то и дело дёргал головой, словно отгоняя назойливую муху. Советники следили за ним взглядами, не решаясь заговорить.

Наконец Гарольд остановился у кресла отца, он посмотрел на него, искажая лицо от боли. А потом он сел, опустился в него медленно, почти благоговейно, как садятся на трон, который ещё пахнет предыдущим владельцем. Тишина сгустилась до предела. Было слышно, как где-то в листве дуба возится птица, как потрескивают свечи, как ветер за окнами шевелит плющ, оплетающий колонны. Гарольд ударил ладонью по столу.

— Почему?! — закричал он. — Почему главнокомандующий предал нас?! Моего отца?! Он забрал почти всю армию Брендвуда, Аргарион пал! Скоро они пойдут на нас! — Он обвёл советников безумным взглядом. — Что нам делать?!

Вилл откашлялся. Его круглое лицо пошло красными пятнами, и он промокнул лоб платком, который извлёк из рукава.

— Ваше Величество... — начал он осторожно, его голос был высокий и дребезжащий, звучал как несмазанная петля, — возможно... возможно, вы ошиблись? Может быть, это было недоразумение, и главнокомандующий...

— Я СВОИМИ ГЛАЗАМИ ВИДЕЛ! — Гарольд вскочил на ноги. Кресло отлетело назад и с грохотом ударилось о стену. — Я видел, как он без тени сомнения, без единого слова, без колебания отрубил голову моему отцу! Его Король стоял перед ним и требовал объяснений, а он просто взял и... — он замолчал, тяжело дыша. — Я чудом сумел спастись... — прошептал он, опуская голову.

Повисла пауза. Теодор, до этого молчавший, осторожно кашлянул в кулак и подался вперёд.

— Ваше Величество, — произнёс он, — я уверяю вас, что в Совете никто даже и не намекал на возможность предательства. Это просто немыслимо. Невозможно. Главнокомандующий был предан вашему отцу до мозга костей. Он служил короне Брендвуда тридцать лет. Он...

— БЫЛ ПРЕДАН, ДА?! — Гарольд снова взорвался, разворачиваясь к Теодору. Его глаза, широко раскрытые, горели истерическим огнём. — А ЧТО ПО ИТОГУ?! Что по итогу, советник?! Где была его преданность, когда он отсёк голову моему отцу, как баранью тушу на бойне?! Где его верность, когда наша армия теперь марширует под знамёнами Тёмного Царя?!

Теодор осёкся, а кадык заходил ходуном. Он перевёл взгляд на Вилла, ища поддержки, но казначей лишь втянул голову в плечи, мечтая провалиться сквозь землю. Зерод поднялся, и его тень накрыла половину стола.

— Ваше Высочество... — он запнулся. — Смеею предположить, что это Тёмный Царь овладел разумом нашей армии. Другого объяснения нет.

Гарольд резко повернулся к нему. Его лицо исказилось, и он издал короткий, лающий смешок, истеричный, полный горечи и отчаяния.

— Магия? — переспросил он, и в его голосе прозвучала издевка. — Господин Зерод, вы серьёзно? Магия — это лишь сказка. Сказка для детей и безумцев. Если бы Тёмный Царь так умел, ему бы ничего не стоило в один миг захватить весь мир! — Он развёл руками, и его смех стал громче, резче, почти визгливым. — Зачем ему тогда армия? Зачем ему пушки? Зачем ему союзники? Он бы просто подчинил всех королей, и дело с концом!

Зерод не отступил, лишь сильнее сжал челюсти.

— Однако, — произнёс он без ни тени сомнения, — говорят, что...

— Я НЕ ХОЧУ СЛУШАТЬ ТО, О ЧЁМ ОРУТ БЕЗУМЦЫ! — Гарольд закричал так громко, что птица в листве дуба испуганно вспорхнула и заметалась под потолком. Его лицо побагровело, на виске вздулась жила. — Нас предали! Предали, понимаете вы это или нет?! И теперь мы должны думать не о сказках и легендах, а о том, как нам защитить наше королевство!

Он замолчал, тяжело дыша. Вилл снова промокнул лоб платком. Гарольд провёл ладонью по лицу, стирая выступивший пот, и его плечи поникли. Гнев схлынул так же внезапно, как и накатил, оставив после себя только пустоту и свинцовую усталость. Он повернулся к Виллу.

— Что с поисками моей сестры? — спросил он.

Вилл покачал головой. Его тройной подбородок заколыхался, как студень.

— Мы ищем её, Ваше Величество, — ответил он с виноватой ноткой. — Разослали гонцов во все ближайшие города, опросили выживших из вашего кортежа, но... — Он замолчал, не решаясь закончить фразу.

— Но? — Гарольд поднял на него глаза.

— Боюсь предположить, что она так же попала в плен к захватчикам, как и принцесса Элира. — Вилл опустил взгляд, теребя край дублета. — Никто не видел её с того момента, как началась атака. Возможно, она бежала. Возможно...

Гарольд закрыл глаза. На мгновение его лицо исказилось такой мукой, что даже Зерод отвёл взгляд.

— Где Кай? — спросил юный король. — Где советник моего отца? Какого чёрта он не здесь?!

Теодор отложил свиток и переплёл пальцы на столе.

— Ваше Величество, — сказал он, тщательно подбирая слова, — мы полагаем, что Кай погиб. Ваш покойный отец, да упокоят боги его душу, отправлял его вместе с армией, чтобы поддержать Дрейнбург. Однако Кай так и не добрался до него, насколько нам известно. Скорее всего, — он сделал паузу, — Тёмный Царь перехватил его с армией, убил и переманил войска на свою сторону.

Гарольд резко встал. Кресло снова отлетело назад, и он снова начал ходить по залу.

— Что вы прикажете мне делать теперь?! — воскликнул он. — Вот что?! Мой отец мёртв, моя сестра пропала, моя невеста в плену, моя армия предала меня, и моё королевство на грани уничтожения! Что мне делать?! Скажите мне! Вы советники! Вы должны знать! Вы должны...

Его голос сорвался на шёпот, и он остановился, схватившись за спинку стула. Плечи его задрожали, но он не заплакал. Он держался из последних сил. Вилл поднялся. Тяжело, грузно, опираясь на подлокотники, он встал и медленно, словно пробираясь через болото, подошёл к Гарольду. Его шаги были тихими, шаркающими, и когда он остановился рядом с юным королём, его фигура накрыла Гарольда тенью. Вилл склонился и заговорил.

— Мой король, — произнёс он, — мы должны отомстить за вашего отца.

Гарольд поднял голову и посмотрел на него.

— Однако, — продолжил он, и его голос стал жёстче, — сейчас мы бессильны. Армия потеряна. Мы не можем противостоять Тёмному Царю в одиночку. Но... — он сделал паузу, — есть те, кто может нам помочь.

Гарольд нахмурился. Его губы дрогнули, но он ничего не сказал, только ждал.

— Мы должны обратиться в Камертон, — сказал Вилл, и его голос окреп. — К королю Лиаму и королеве Лиззи. Они всегда были верными союзниками материковых королевств. Их флот сильнейший на всём Аверлоне. Их порты неприступны. Их воины закалены в бесконечных битвах с пиратами и грендвудцами. — Вилл выпрямился, насколько мог, и положил руку на плечо Гарольда. — Все эти захватчики, всё это восстание — это проделки короля Грендвуда. Камертон ведёт с ними бои в Туманном море уже долгие годы. Если кто-то и может нам помочь — то только они.

В зале повисла тишина. Гарольд смотрел на Вилла, и в его светло-серых глазах, медленно разгорался огонёк надежды. Он опустил голову, его подбородок задрожал, и по щеке скатилась слеза.

— Да будет так, — прошептал он. — Отправьте гонца в Камертон.

Глава 3

Элира

Я сидела у окна и смотрела, как умирает день: багровое солнце тонуло за чёрными шпилями Дрейнбурга, и его последние лучи пробивались сквозь решётку на моём окне. Я сидела в этой клетке уже которую неделю, запертая, как зверь, как птица с подрезанными крыльями, как вещь, которую спрятали в чулан до лучших времён.

Мои покои стали моей тюрьмой: те же стены, та же кровать, тот же стол, но теперь всё это было другим. Чужим. Мёртвым. Цитадель Пепла больше не была домом — она стала склепом, в котором заживо похоронили мои воспоминания. И где-то там, за этими стенами сидел Кай. Ублюдок. Какая же он двуличная мразь. Как он мог? Это не укладывалось в голове. Это разрывало мой разум на части, как рвут старую тряпку, и каждая часть кричала от боли. Но ещё больше, ещё мучительнее, ещё невыносимее было мучительные догадки о судьбе моего короля. Я думала о нём, и сердце сжималось в тугую, кровоточащий узел. Что с ним? Где он? Жив ли он вообще?

Я снова и снова прокручивала в памяти тот момент, как я бежала к нему через поле боя, перепрыгивая через трупы, уворачиваясь от мечей, как он лежал под мёртвой лошадью, придавленный её тяжестью, как он смотрел на меня с непривычной нежностью, которую я увидела в них впервые. Как он прошептал: «Уходи... моя королева». А потом, руки мятежников, что оторвали меня от него, и их спины, сомкнувшиеся над ним, как стая стервятников над умирающим львом.

Я не видела, как он умер, я не видела его мёртвым, и эта неизвестность была хуже любой правды. Потому что правда, даже самая страшная, даёт покой, а неизвестность — это яд, который разъедает душу медленно, капля за каплей, день за днём. Я жила надеждой. Жалкой, тонкой, как паутина, но всё же надеждой. Я убеждала себя, что он выжил, что мятежники не убили его, а взяли в плен, что он сейчас где-то там, в подземельях Цитадели, закованный в цепи, но живой. Я цеплялась за эту надежду, хотя умом понимала: это вряд ли возможно. И всё же я надеялась.

«Ты истинная королева Аргариона. Ты дочь принца Эрона. Настоящего Эрона. А я — Дрейк Рендвудский». Я прокручивала его слова в голове снова и снова, и каждый раз они звучали как бред безумца. Как горячечный бред умирающего, который уже не отвечает за свои слова. Дрейк Рендвудский — так звали моего отца, а Эрон утверждает, что это он, что мой отец был принцем. Но если так, если Эрон — это Дрейк, то кто же тогда мой настоящий отец? Принц Эрон? Сын короля Грена? Но моя мать Амелия, она ведь дочь короля Грена. Если мой отец принц то я... то я...

Эта мысль обрывалась, как струна, натянутая до предела. Я не могла додумать её до конца, не хотела, потому что это означало бы, что я дитя кровосмешения. Ребёнок брата и сестры. Плод греха, который не должен был появиться на свет. От одной этой мысли меня мутило. Желудок скручивало в тугую узел, и к горлу подступала желчь. Это не могло быть правдой. Не могло. Однако, если это так, то это многое бы объяснило...

Но как мне узнать теперь правду, если моя мать неизвестно где? Жива ли она вообще? Успела ли спастись в тот день, когда всё рухнуло? Я надеялась, что она спаслась, что успела оседлать коня и ускакать до того, как мятежники добрались до неё. Эта надежда была такой же тонкой, как и надежда на спасение Эрона, но я держалась за неё. Потому что других надежд у меня не было.

Дверь распахнулась. Двое стражников в тёмных доспехах с фиолетовыми плюмажами на шлемах вошли в мои покои. Их лица были скрыты забралами, и они двигались молча, как бездушные механизмы. Один из них шагнул вперёд и произнёс:

— Принцесса Элира. Его Величество Тёмный Царь требует вас к себе.

Я не стала спрашивать, зачем, не стала сопротивляться. Я пыталась сражаться все эти дни, и все было напрасно. Возможно, пришла пора встретиться лицом к лицу с монстром.

Мои ноги ступали по знакомым коридорам Цитадели Пепла. Здесь всё ещё пахло гарью, а на стенах ещё виднелись следы копоты, в углах ещё лежали обломки камней, которые не успели убрать после штурма. Дворец был ранен. Как и я. Меня вели через анфиладу комнат, и с каждым поворотом сердце колотилось всё быстрее. Я знала этот путь. Меня вели в его кабинет, в кабинет короля Эрона.

Стражники остановились перед массивной дверью. Меня втокнули внутрь. Мои губы задрожали. Кабинет был тем же, и в то же время совершенно другим. Вот стол, вот камин, чучела зверей вдоль стен, постамент, на котором раньше лежал его меч. Всё было на своих местах, и в то же время всё было не так. Воздух здесь больше не пах мускусом и вином. Не пах им. И это было невыносимо. Я едва сдержалась, чтобы не зареветь прямо здесь, перед ним, перед этим предателем, что сидел в кресле Эрона, как будто имел на это право. Потому что это был не просто кабинет, это была часть его души. И видеть здесь чужака было всё равно что видеть, как кто-то надевает одежду покойника.

Кай сидел за столом Эрона. Он расположился там, как хозяин, откинувшись на спинку кресла и положив руки на подлокотники. Он поднял голову, когда я вошла, и его бесстыжие глаза встретились с моими. Ярость захлестнула меня с головой. Горячая, ослепляющая, и я, сама не успев подумать, бросилась на него. Мои руки взметнулись, целясь в его лицо, в эти проклятые зелёные глаза, что смотрели на меня с таким спокойствием, словно ничего не случилось. Кай резко встал, и мои запястья оказались зажаты в его руках. Я билась, вырывалась, пыталась ударить его коленом, локтем, головой — чем угодно, но он держал меня крепко, и его лицо оставалось невозмутимым.

— КАК ТЫ МОГ?! — закричала я. Слёзы брызнули из глаз, и я уже не контролировала себя. — КАКАЯ ЖЕ ТЫ ДВУЛИЧНАЯ МРАЗЬ! Я ДОВЕРЯЛА ТЕБЕ! Я ВЕРИЛА ТЕБЕ! А ТЫ... А ТЫ...

Он не отвечал, лишь прижал меня к себе сильнее, обхватив руками, и одним резким движением повалил на стол. Кай нависал надо мной, удерживая мои руки над головой. Я продолжала биться, извиваться, кричать, и слёзы текли по моим щекам, заливая уши, но он просто держал меня, не давая вырваться, и ждал, пока я выдохнусь, пока мой гнев иссякнет, как иссякает шторм, разбившись о скалы.

Мои крики перешли во всхлипы, в тихие, жалобные стоны, и я обмякла на столе. Тогда он осторожно отпустил меня, словно я была диким зверем, который может снова наброситься. Он слез с меня, выпрямился, поправил дублет и отступил на шаг. Я резко спрыгнула со стола и отскочила в угол, потирая затёкшие запястья. Моё дыхание было рваным, сердце колотилось, и я смотрела на него с ненавистью, которая, казалось, могла прожечь его тело насквозь.

— Элира, — заговорил он. — Я понимаю, как это выглядит с твоей стороны. Понимаю, что ты чувствуешь, но все эти дни я пытаюсь рассказать тебе правду. Я пытаюсь показать тебе всё моими глазами, чтобы ты увидела то, что вижу я. А ты всё сопротивляешься!

Я нахмурилась. Мои пальцы всё ещё дрожали, и я сжимала их в кулаки, пытаюсь унять эту дрожь.

— О какой правде ты говоришь, Кай? — выплюнула я. — Какую правду ты хочешь мне показать?! Правду о том, что ты убил короля Аргариона? Правду о том, что ты поднял бунт, из-за которого погибли сотни невинных людей? Правду о том, что ты предал короля Вильяма, который тебя любил и доверял тебе?! — Я покачала головой, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу. — Он ведь так тебе верил, Кай. Так тебе доверял. А ты...

Кай усмехнулся. Он провёл рукой по волосам, зачёсывая их назад.

— А знаешь ли ты, — произнёс он медленно, — что Вильям планировал захватить престол Аргариона через тебя? Знаешь ли ты, что он приказал мне выставить его армию у границ вашего королевства и ждать, пока твой ненаглядный Эрон падёт, чтобы потом твой будущий муж, Гарольд, мог сесть на престол вместе с тобой? Знаешь ли ты, что у него был план — посадить каждого своего ребёнка на отдельный трон? Кастилию — в Брендвуде, Гарольда — в Аргарионе? — Он сделал паузу и заулыбался. — О, наверняка ты не знала. Вижу по твоему удивлённому лицу и хлопающим глазам, что нет.

Я молчала. Вильям? Тот самый добрый, румяный старик? Он планировал использовать меня? Использовать Гарольда?

— Я не верю тебе, — выдавила я наконец. — Король Вильям не мог... Он был...

— Добрым? — перебил Кай, и его усмешка стала шире. — О да, он был добрым. Добрым, как змея, что греется на солнце, прежде чем ужалить. — Он шагнул ко мне и наклонился, заглядывая мне прямо в глаза. — Как видишь, юная принцесса, жизнь показала тебе, что может скрываться за маской добряка. Ты ведь и не думала, что Тёмным Царём мог оказаться я? Ведь так? О, я помню тот день, когда я снял шлем перед тобой. Помню твой безмолвный взгляд. Помню, как ты побледнела. Вот точно так же — он понизил голос, — и старый добряк Вильям скрывался за маской добродушного дедушки. Лишь твой монстр Эрон не скрывал своих злодейств!

Я не выдержала. Моя рука взлетела сама собой, и пощёчина, которую я отвесила Каю, прозвенела в тишине кабинета. Его голова дёрнулась в сторону, на щеке вспыхнул красный след, и он резко отвернулся, закрывая глаза. Потом Кай тяжело вздохнул, расправил плечи и отступил от меня на шаг.

— Я прощаю тебе это, — сказал он. — В первый и в последний раз, Элира.

Я вскинула подбородок. Моё сердце всё ещё колотилось.

— А то что? — спросила я. — Что ты мне сделаешь?

Кай улыбнулся.

— Я тебя предупредил, — сказал он.

Эти слова действовали на меня, как красная тряпка на быка. Я сорвалась с места и снова бросилась на него, замахнувшись для нового удара, но он перехватил мои руки, и его пальцы сжались на моих запястьях с такой силой, что я поморщилась от боли.

— Мне не дорога моя жизнь, — прошипела я ему в лицо. — Так что я с удовольствием напоследок одарю тебя ещё одной пощёчиной.

Кай резко оттолкнул меня. Я пошатнулась, едва удержавшись на ногах, и схватилась за край стола. Он отошёл на несколько шагов, проводя рукой по лицу, и его плечи вздымались от тяжёлого дыхания.

— Да послушай же ты меня, Элира! — воскликнул он, и в его голосе впервые прозвучало отчаяние. — Я не твой враг! Я твой друг! Ты не понимаешь этого, потому что этот извращенец затуманил твой разум! Он отравил тебя, он влез тебе в голову, он заставил тебя поверить...

— Я ясно вижу, что ты предатель, — оборвала я. — Я ясно вижу, что ты лжец. И больше я тебе не верю. Ни единому слову.

Кай покачал головой. Его лицо, обычно такое спокойное и уверенное, сейчас было напряжённым, и на лбу проступила тонкая морщина.

— Элира, Эрон не настоящий король, — сказал он. — Он убил настоящего принца Эрона, а потом шантажом заставил твою мать отречься от трона и сам сел на него. Понимаешь?

Я смотрела на него молча. То, что он говорил сейчас, это было так похоже на слова умирающего Эрона, но в то же время так отличалось от них. Эрон сказал, что он любил моего отца. А Кай говорит, что он его убил. Кто из них лжёт? Или, может быть, они оба лгут?

— А ты откуда это знаешь? — выплюнула я. — Откуда ты знаешь, кто кого убил, кто кем был?

Кай улыбнулся почти печально.

— Когда-нибудь я поведаю тебе эту историю, — сказал он. — Но только тогда, когда буду понимать, что мы с тобой заодно, то мы союзники. Понимаешь? — Он посмотрел на меня долгим взглядом, и в его зелёных глазах промелькнуло что-то, похожее на искреннюю мольбу. — Я хочу доверять тебе, Элира.

Я покачала головой. Мои мысли метались, как испуганные птицы, и я не могла ухватить ни одной. Всё, что я знала раньше, рассыпалось в прах. Все, кому я доверяла, оказались предателями. Все, кого я любила, исчезли или умерли. И теперь этот человек говорил мне о доверии?

— Что ты хочешь от меня? — спросила я, и мой голос сорвался на крик. — **ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ?!**

Кай выпрямился. Он заговорил медленно, отчётливо, словно объяснял что-то ребёнку:

— Я хочу лишь навести порядок в королевстве. Пойми: время лжекороля закончилось. Пяти Королевствам нужно новое устройство мира. Старое было неправильным, чуждым, кровавым. Я построю новый мир, Элира. Мир, в котором не будет лжи, предательства, бессмысленных войн. И ты нужна мне для этого, как единственная наследница престола.

Я горько усмехнулась. Единственная наследница престола. Дочь брата и сестры — если верить Эрону. В любом случае, моё происхождение было грязным, запятнанным, и эта корона, которую все хотели на меня надеть, была сделана из лжи и крови.

— А как же моя мать, она ведь тоже наследница трона? — спросила я, и мой голос дрогнул. — Где она?

Кай пожал плечами. Но в этом жесте, таком, казалось бы, безразличном, мне почудилась какая-то фальшь. Словно он знал больше, чем говорил.

— Мы ищем её, Элира, — ответил он. — Она тоже может помочь нам. Если захочет.

Он посмотрел на меня как-то странно, когда говорил об Амелии. В его глазах промелькнула тень почти неуловимая, и я почувствовала, как внутри разрастается тревога. Он что-то скрывал, что-то о моей матери, но я не могла понять, что именно. Кай сделал шаг ко мне, но я выставила руку вперёд, останавливая его.

— Не смей приближаться, — сказала я.

Он остановился, медленно, осторожно, он поднял руки вверх, показывая открытые ладони, и улыбнулся.

— Я стою на месте, — сказал он. — Видишь? Я не сделаю тебе ничего плохого. Прошу, Элира, подумай над моими словами. Я не злодей. Я тот, кто хочет тебе помочь.

Я слотнула. Слёзы снова подступили к глазам.

— А что ты сделал с Эрону? Ты убил его?

Мой голос сорвался на шёпот, и слеза упала на каменный пол. Кай посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Он тяжело вздохнул и произнёс с сожалением:

— Надеюсь, скоро эта дрянь, твоя лжелюбовь к нему, пройдёт. И ты согласишься чистым разумом на ситуацию.

Он не ответил на мой вопрос. Потому что, если бы Эрон был жив — он бы сказал это. Если бы он был в плену — он бы использовал это против меня, но он молчал. Я опустила голову, чувствуя, как слёзы катятся по щекам, и внутри меня, в самой глубине души, разрасталась пустота, что остаётся, когда умирает надежда.

Глава 4

Дрейнбург. Цитадель Пепла. Покои короля.

Кай вошёл внутрь, дверь закрылась за ним, и он на мгновение замер на пороге, привыкая к полумраку. На кровати лежала принцесса Кастилия. Она была совершенно обнажена, её тело, освещённое дрожащим светом ламп, казалось белоснежным. Простыни, скомканные и влажные, обвивали её бёдра, как морская пена оббивает береговой камень, и длинные светлые волосы, раскинувшиеся по подушкам, струились серебряным водопадом, в котором путались тени. Она не спала. Её глаза, льдисто-голубые, были широко открыты и устремлены на дверь, и когда Кай переступил порог, на её губах расцвела улыбка. Одним плавным, текучим движением она выскользнула из-под одеяла, и шёлк соскользнул с её кожи, как вода, обнажая острые плечи, маленькую грудь, узкую талию и длинные стройные ноги, что двигались с грацией танцовщицы. Она встала у кровати, и улыбка её стала шире.

— Ну что? — спросила она. — Ты поговорил с этой болотной девчонкой? Она поможет нам в борьбе с Тёмным Царём и моим братом?

Кай улыбнулся в ответ. Он подошёл к ней ближе, провёл большим пальцем по её скуле, Кастилия закрыла глаза и, как ластящаяся кошка, потёрлась о его руку. Её дыхание стало глубже.

— Она ещё сопротивляется, — произнёс Кай. — Никак не может поверить в то, что твой брат сговорился с Тёмным Царём и предал твоего отца. — Он сделал паузу, и его взгляд затуманился. — Как жаль, что я не смог его защитить... Король Вильям был мне как отец...

Кастилия подняла на него глаза, и, подавшись вперёд, обвила его шею руками. Её обнажённое тело прижалось к его дублету.

— Но ведь ты смог уговорить наши войска окончить войну! — сказала она воодушевленно. — Ты смог разгромить армию Тёмного Царя! Ты освободил Дрейнбург! — Она отстранилась и её пальцы скользнули по его волосам, перебирая чёрные пряди с белыми полосами. — И никто, слышишь, никто не будет жалеть о смерти этого придурка Эрона! — Она улыбнулась. — Давай править вместе, Кай. Здесь, в Аргарионе. К чёрту эту болотную девчонку! Зачем она нам? Мы и без неё справимся!

Она рассмеялась и, не дожидаясь ответа, уселась ему на колени. Её ноги обвили его бёдра, руки легли на плечи, и она, наклонившись, принялась гладить его по голове. Кай смотрел на неё с притворной улыбкой, и в глубине его глаз мерцал холодный, расчётливый огонёк, которого она так упорно не замечала, или не хотела замечать.

— Ты нужна в Брендвуде, — сказал он. — Сейчас там твой брат. Предатель, убийца твоего отца. Брендвуд надо освободить от него, а единственная наследница брендвудского престола — это ты, Кастилия. Только ты.

Её лицо исказилось, как у ребёнка, у которого отбирают любимую игрушку. Она захныкала, капризно, жалобно, и её пальцы, только что гладившие его волосы, вдруг сжались, дёргая пряди.

— Но я хочу быть с тобой, Кай! — воскликнула она. — Мне не нужен трон! Мне не нужна корона! Мне не нужен Брендвуд! Всё, чего я хочу — это быть рядом с тобой! — Она подалась вперёд. — Если тебя не будет на троне, зачем он мне?

Кай наклонился и коснулся губами её. Поцелуй был нежным, дразнящим, едва ощутимым, как прикосновение крыла бабочки, но Кастилия ответила на него с жадностью изголодавшегося зверя. Её рот впился в его, язык скользнул внутрь, и она застонала, запуская пальцы в волосы и притягивая его ближе. Но Кай отстранился, и, взяв её лицо в ладони, заставил посмотреть ему в глаза.

— Ты не можешь бросить Брендвуд, — сказал он. — Твой отец мёртв. Твой брат предатель. Твой народ ждет тебя, Кастилия. Ты должна отомстить за отца. Ты должна освободить свою землю. Брендвуд нуждается в тебе.

Она замолчала, губы, припухшие от поцелуя, дрогнули, и в глазах мелькнуло капризное нежелание признавать его правоту, но затем она улыбнулась и её руки снова обвили его шею.

— Ты спас меня, — прошептала она. — Ты вытащил меня из того ада, когда всё рушилось, когда я думала, что умру... Ты спас меня. Мой герой...

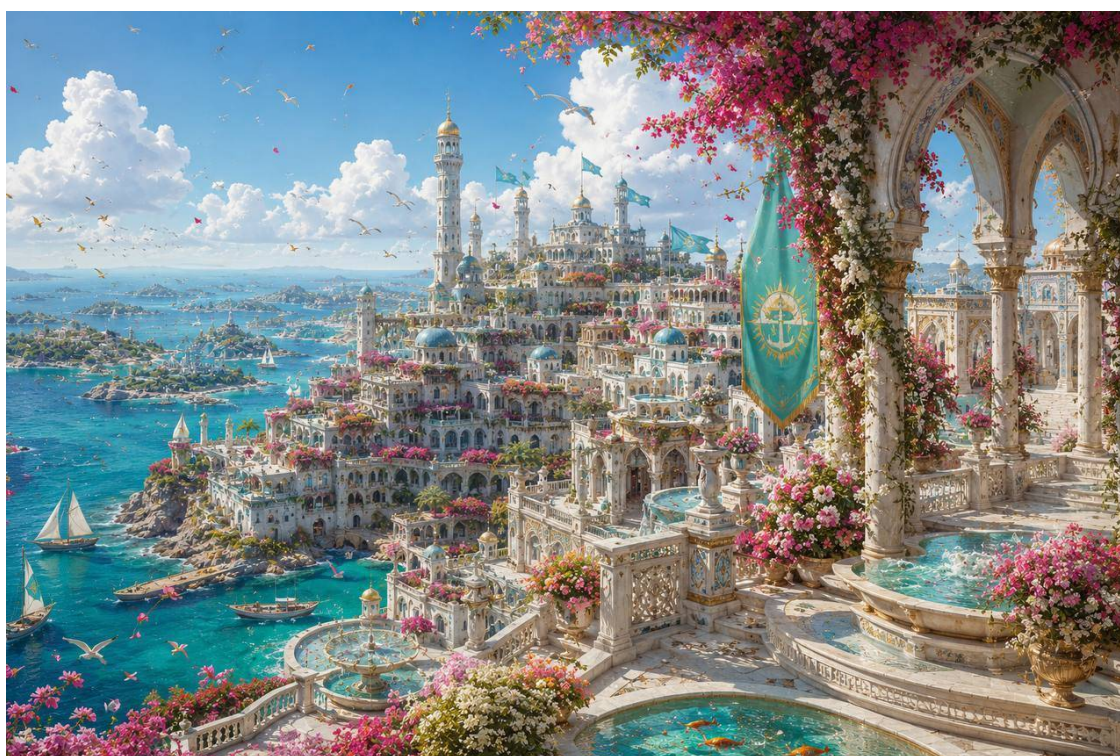
Она снова поцеловала его и, подавшись вперёд всем телом, опрокинула его на кровать. Её обнажённое тело скользнуло по нему, как змея, извиваясь и прижимаясь, и пальцы её уже расстёгивали пуговицы его дублета, быстро, жадно, с той же капризной нетерпеливостью, с какой она делала всё в своей жизни. Ткань расходилась, обнажая его грудь, его татуировки, его мышцы, и Кастилия, наклонившись, провела языком по его ключице.

Кай не сопротивлялся, его руки легли на её бёдра, скользнули вверх по спине, зарылись в серебристых волосах. Он смотрел в потолок, где тени от ламп сплетались в причудливые узоры. Кастилия была поглощена им, его телом, его теплом, его запахом, она застонала, прижимаясь к нему всем телом, и её волосы накрыли их обоих серебряным шатром. Она шептала что-то бессвязное, а Кай, позволял ей делать всё, что она хочет, и думал о том, как скоро она отправится в Брендвуд, как скоро она сядет на трон своего отца.

Глава 5

Камертон. Королевство Тысячи Островов. Город Оазис Сенд.

Камертон не был похож ни на одно из Пяти Королевств. Если Аргарион давил на плечи тяжестью чёрного камня и вековой крови, Брендвуд дышал влажной зеленью и пах прелыми листьями, Грендвуд кутался в вечные туманы, как старуха кутается в саван, то Камертон был создан из света, соли и бескрайней лазури. Он раскинулся на тысяче островов, больших и малых, что рассыпались по лазурным водам, как горсть драгоценных камней, брошенная щедрой рукой. Море здесь было домом. Его воды, прозрачные до самого дна, переливались всеми оттенками синего и зелёного, а в коралловых рифах, что опоясывали каждый остров, кишела жизнь: рыбы всех цветов радуги, морские черепахи, медлительные и величавые, дельфины, что выпрыгивали из воды, приветствуя проходящие корабли.

Столица Камертона, город Оазис Сенд, раскинулся на самом большом острове архипелага, что вздымался из моря, как спина гигантского кита. Его дома, выстроенные из белоснежного известняка, поднимались по склонам холмов террасами, и их плоские крыши были увиты цветущими лианами. Улицы, мощённые светлым камнем, спускались к гавани, где покачивались на волнах сотни кораблей — от лёгких рыбацких лодок до величественных галеонов с позолоченными носами. Повсюду цвели бугенвиллеи — пурпурные, розовые, белые, и их лепестки, сорванные ветром, кружились в воздухе, как конфетти на вечном празднике. Воздух здесь пах солью, цветами и пряностями, что привозили купцы из-за Туманного моря, и в этом запахе было что-то пьянящее, почти колдовское.

Прибрежный дворец стоял на самом краю острова, там, где белые скалы обрывались в море. Он был выстроен из светлого коралла и перламутра, и его стены, отполированные морским ветром до блеска, переливались в солнечных лучах розовыми и золотыми искрами. Высокие арки, увитые жасмином, вели в прохладные внутренние дворы, где били фонтаны, а в мра-

морных бассейнах плавали золотые рыбки. Башни дворца, стройные и изящные, напоминали минареты, и на их вершинах развевались бирюзовые флаги с гербом Камертона — скрещённые якорь и трезубец на фоне восходящего солнца.

Гонец из Брендвуда прибыл на рассвете. Его корабль, потрёпанный штормами и едва уцелевший после долгого плавания, пришвартовался в королевской гавани, и стража, узнав герб на его плаще немедленно проводила его во дворец. Гонец был молод, едва за двадцать, его лицо, покрытое дорожной пылью и солью, выражало особую смесь усталости и надежды. Тронный зал Прибрежного дворца поражаёл воображение. Он был огромен, его стены, сложенные из перламутровых блоков, были прорезаны высокими арками, через которые вливался солнечный свет и морской бриз. Пол был выложен мозаикой из лазурита и бирюзы, изображавшей морские волны, и когда гонец ступал по нему, ему казалось, что он идёт по воде. В центре зала, на возвышении из белого мрамора, стояли два трона. Они были сделаны из коралла, и их подлокотники были вырезаны в форме дельфинов, а спинки украшены жемчугом. Между тронами журчал маленький фонтан, и его вода стекала по мраморным ступеням в бассейн, где плавали кувшинки. На тронах сидели король и королева Камертона.

Король Лиам был мужчиной лет сорока, и его внешность несла на себе отпечаток морской красоты, что свойственна камертонцам. Светло-русые волосы, коротко остриженные и слегка взъерошенные ветром, открывали высокий лоб и виски, на которых уже пробивалась первая седина. Лицо, обветренное и загорелое, глаза, ярко-синие, как море в полдень. На нём была простая белая рубашка с расстёгнутым воротом и лёгкий серый камзол без рукавов. Он не носил короны — только тонкий серебряный обруч на запястье, как и все капитаны Камертона.

Королева Лиззи сидела рядом с ним, и её присутствие наполняло зал теплом, как солнце наполняет оранжерею. Ей было около тридцати, она была прекрасна южной красотой, от которой захватывало дух. Её кожа, смуглая и золотистая, сияла в свете, льющемся из арок. Длинные чёрные волосы, невероятно густые и кудрявые, рассыпались по плечам и спине, спускаясь почти до пояса, и в них запутались крошечные жемчужины. Глаза сапфирово-синие, сияли на смуглом лице, как два драгоценных камня. Она была одета в лёгкое платье из бирюзового шёлка и на её шее висело ожерелье из чёрного жемчуга.

Когда гонец вошёл в тронный зал и опустился на одно колено, склоняя голову, Лиам поднялся и радушно развёл руками:

— Добро пожаловать в Камертон, посланник! — Его голос, звучный и тёплый, эхом разнёсся под сводами. — Мы всегда рады гостям из Брендвуда. Поднимись, прошу тебя. Какие вести ты принёс?

Лиззи улыбнулась.

— Ты, должно быть, проделал долгий путь, — добавила она. — Надеюсь, море было благосклонно к тебе.

Гонец поднялся и, дрожащими от волнения руками, извлёк из-за пазухи свиток, запечатанный зелёным воском. Он протянул его королю, и Лиам, взяв письмо, сломал печать и развернул пергамент. Его глаза забегали по строкам, и по мере того, как он читал, его лицо становилось всё серьёзнее.

— Читай вслух, — попросила Лиззи, кладя руку на его локоть. — Я хочу знать, что тревожит наших друзей.

Лиам откашлялся и начал читать.

«Королю Лиаму и королеве Лиззи Камертонским, нашим верным союзникам и друзьям.

С тяжёлым сердцем сообщая вам, что мой отец, король Вильям Брендвудский, был предательски убит своей же армией. Темный Царь захватил Дрейнбург. Аргарион почти пал. Большая часть армии Брендвуда была переманена на сторону мятежников. Отдельные районы Аргариона ещё пытаются сражаться, ещё держат оборону, но они обречены. Вскоре они проиграют, и Аргарион окончательно перейдет во власть Тёмного Царя.

Следом за Аргарионом падёт и Брендвуд. А за Брендвудом — все остальные королевства. Тёмный Царь действует не в одиночку. За ним стоит старый король Грендвуда Алекс. Вместе они хотят захватить все Пять Королевств и подчинить их своей власти.

Мы должны объединиться и остановить их, пока не стало слишком поздно. Камертон — наша последняя надежда. Не оставьте нас в этот тёмный час.

С надеждой и верой в нашу дружбу,

Король Гарольд Брендвудский»

Лиам опустил свиток, и в зале повисла тишина. Слышно было только, как журчит фонтан между тронами да где-то вдалеке кричат чайки. Лиззи нахмурилась. Её тёмные брови сошлись на переносице, и на смуглом лице промелькнула тень тревоги.

— Кажется, малыш Гарольд теперь на троне, — произнесла она задумчиво. — Как жаль. Эта ноша слишком велика для маленького короля.

Лиам повернулся к ней и покачал головой.

— Гарольду уже двадцать лет, любовь моя, — сказал он. — Не такой уж он и маленький. Я взойшёл на престол, когда мне было пятнадцать, после того как моя мать, королева Сисилия, умерла от болезни. — Он сделал паузу, и его взгляд стал задумчивым. — Возраст не имеет значения. Имеет значение лишь то, готов ли ты принять корону.

Лиззи взяла его за руку. Её смуглые пальцы переплелись с его, и она поднесла его ладонь к губам, целуя костяшки.

— Поможем ли мы маленькому королю? — спросила она.

Лиам прищурился. Он смотрел на свиток в своей руке и мысли его текли медленно, как глубокие воды. Наконец он вздохнул и отложил пергамент.

— Я обсужу это с Советом, — сказал он. — Дело серьёзное. Оба короля мертвы — и Вильям, и Эрон. Тёмный Царь захватил почти весь материк. — Он встал и, заложив руки за спину, прошёлся по мраморному полу. Его сапоги застучали по лазуритовой мозаике. — Если он и в самом деле объединился с Алексом, это может стать настоящей угрозой для всего мира. Грендвуд давно точит зуб на Пять Королевств. Они не забыли своего поражения.

Лиззи кивнула и повернулась к гонцу. Её лицо снова осветилось улыбкой.

— Ты, должно быть, устал с дороги, — сказала она. — Пойдём, я провожу тебя до гостевых покоев. Ты сможешь отдохнуть, принять ванну и поесть. В Камертоне гостей не оставляют голодными.

Гонец, который всё это время стоял, переминаясь с ноги на ногу, радостно закивал. Его лицо, усталое и осунувшееся, осветилось благодарностью.

— Спасибо, Ваше Величество! — выдохнул он. — Такой приём... Я не ожидал...

— В Камертоне всегда рады друзьям, — ответила Лиззи, поднимаясь с трона. Её бирюзовое платье заструилось за ней, как волна. — Идём же.

Она взяла гонца под руку и повела его прочь из тронного зала, через анфиладу светлых коридоров, увитых жасмином. Лиам остался один. Он стоял посреди зала, глядя на мозаичный пол, и мысли его были мрачны. Потом он резко вскинул голову и хлопнул в ладоши. Из тени колонны выступил стражник — высокий камертонец в лёгком доспехе.

— Собери Совет Пиратов и Лордов Оазиса, — приказал Лиам. — Немедленно. Дело не терпит отлагательств.

Стражник кивнул и удалился. Лиам, заложив руки за спину, прошёлся по залу и добавил, уже тише, словно размышляя вслух:

— Хотя я сомневаюсь, что всё это затеял старый король Алекс. Он почти не жилец. — Лиам покачал головой. — Но если это так... если старый змей и впрямь решил выползти из своей норы... нам придётся ответить.

Тем временем Лиззи вела гонца по галерее, что огибала внутренний двор. Здесь было светло и просторно, а в открытые арки врвался морской бриз, принося с собой запах соли и

цветущих бугенвиллей. Гонец шёл за королевой, едва успевая крутить головой по сторонам, он никогда не видел ничего подобного. Его родной Брендвуд был красив, но красотой суровой, лесной, замкнутой. Здесь же всё дышало свободой, простором и светом. Проходя мимо одного из балконов, гонец вдруг замедлил шаг. Его взгляд упал на женскую фигуру, что стояла у перил, глядя на море. Она была высока и стройна, с пепельными волосами, убранными в тугую косу, и осанкой, полной королевского достоинства. На ней было тёмно-синее платье, простое, без украшений. Её лицо было бледным и печальным, а глаза карие и глубокие, смотрели куда-то вдаль, за горизонт.

Гонец нахмурился. Ему показалось... Нет, не может быть. Он видел её всего пару раз, на приёмах в Цитадели Пепла, но забыть это лицо было невозможно. Леди Амелия? Здесь? В Камертоне? Но как? Он замедлил шаг, вглядываясь в женщину, и уже готов был окликнуть её, как вдруг голос королевы Лиззи вырвал его из оцепенения:

— Прошу тебя, не задерживайся, — сказала она, и в её голосе, только что мягком и приветливом, промелькнула лёгкая, едва уловимая нотка настойчивости. — Ты, должно быть, очень устал. Покой уже ждёт тебя.

Гонец моргнул, перевёл взгляд на королеву и снова посмотрел на балкон. Но женская фигура уже исчезла, растворилась в тенях галереи, словно её и не было.

— Простите, Ваше Величество, — пробормотал он, потирая глаза. — Мне показалось, что я увидел Леди Амелию Аргарионскую...

— Тебе показалось, — мягко, но твёрдо произнесла Лиззи, и её сапфировые глаза блеснули. — Следуй за мной.

И гонец пошёл за ней, всё ещё оглядываясь через плечо на пустой балкон, где только что стояла женщина, так похожая на мать принцессы Элиры.

Глава 6

Элира

Несколько дней минуло с того разговора в кабинете, эти дни тянулись, как смола, невыносимо долго. Я сидела в своих покоях и время, казалось, остановилось для меня. Но мои мысли не стояли на месте, они кружились, сталкивались, разрывали друг друга на части, как голодные псы, и в этой бесконечной схватке рождалась истина. Сомнения терзали меня. Я прокручивала в голове каждое слово Кая, каждое слово Эрона, каждое воспоминание о матери, об отце, о том дне, когда всё рухнуло. Я пыталась сложить кусочки этой чудовищной головоломки, но они не складывались. Боль, что сковала моё сердце ледяными тисками, научила меня одной простой истине, той самой, которую я отказывалась принимать все эти годы. В этом лживом, кровавом мире — ношение масок помогает выживать. И я надену её, надену столько масок, сколько потребуется, чтобы уничтожить своих врагов, чтобы добраться до правды, чтобы отомстить за всё, что у меня отняли. Я больше не буду той наивной девчонкой. Та Элира умерла, она умерла там, на поле боя, у тела человека, которого она полюбила, но которого любить было нельзя.

Я стояла на балконе, опершись на каменные перила, и смотрела вниз. В первые дни моего заточения, когда боль была особенно невыносимой, когда пустота внутри казалась бездонной, меня посещали мысли о том, чтобы покончить со всем этим. Сделать один шаг, всего один шаг вперёд и всё закончится. Никакой боли, сомнений, вопросов без ответов. Я стояла у этих перил и смотрела вниз, на каменные плиты внутреннего двора, и представляла, как моё тело летит в пустоту. Как ветер свистит в ушах, как удар обрывает всё. Эти мысли были соблазнительными, они обещали покой, но теперь всё изменилось. Теперь мои мысли были полны не желанием смерти, а жадой мести и правды.

Мой взгляд скользнул вниз, в Серебряный Сад. Там, на той самой лужайке между старых дубов двигалась фигура. Кай был один, он тренировался — те же плавные, текучие движения, та же смертоносная грация, что так заворожала меня когда-то. Он отжимался на одной руке, потом вскакивал, брал меч и наносил серию ударов невидимому противнику. Я смотрела на него и видела не того Кая, что когда-то показался мне таким милым, таким добрым, таким настоящим. Теперь я видела лишь лживую маску, что начала трескаться, обнажая двуличие и расчёт. Кай поднял голову и заметил меня. Он помахал мне рукой — так, словно мы всё ещё были друзьями. Я закатила глаза и, развернувшись, ушла с балкона.

Я села на кровать и уставилась в стену. Спустя пару минут замок на моей двери провернулся, и в комнату вошёл стражник.

— Принцесса Элира. Его Величество Тёмный Царь ожидает вас в саду. Он предлагает вам прогулку.

Я натянуто улыбнулась. Прогулку. Как мило. Он предлагает мне прогулку, словно я его гостя, а не узница. Я бросила взгляд на своё отражение в зеркале. На мне были кожаные штаны, тёмные, обтягивающие, заправленные в высокие сапоги. Длинная белая рубашка, свободная, заправленная спереди за пояс и ниспадающая сзади. Волосы были собраны в низкий пучок, открывая лицо, и только несколько выбившихся прядей обрамляли щёки. Я заправила одну из них за ухо, поправила ворот рубашки и кивнула стражнику.

— Веди, — сказала я.

Они окружили меня. Четверо стражников в коридоре встали по бокам, замыкая в живое кольцо, и мы двинулись по коридорам Цитадели. Мы спустились по винтовой лестнице, прошли через внутренний двор, и вот уже передо мной распахнулись ворота в Серебряный Сад. Кай ждал меня на той самой лужайке, где я когда-то сражалась с ним на тренировочных мечах. Его волосы были влажными после тренировки, и он улыбался той самой обаятельной улыбкой, которая когда-то так меня подкупала. Теперь она вызывала лишь раздражение. Стража

расступилась, выпуская меня вперёд. Я прошла и остановилась в нескольких шагах от Кая и, издевательски улыбаясь, спросила:

— В чём дело, Ваше Величество? Решили вывести свою собачку погулять? Посчитали, что я уже достаточно насиделась в клетке?

Кай нахмурил брови, но тут же его лицо снова осветилось улыбкой.

— Ты не моя пленница, Элира, — сказал он. — Ты пленница ядовитых уст лжекороля. А я лишь помогаю тебе избавиться от этих цепей.

Я закатила глаза, даже не пытаясь скрыть своего раздражения.

— Ты помнишь нашу вторую встречу здесь? — спросил он вдруг. — Когда я тренировался с лжекоролём?

Я поморщилась. Воспоминание об Эроне ударило меня, как пощёчина, — острое, болезненное и невыносимое. Я увидела его так ясно, словно он стоял передо мной: чёрные волосы, прилипшие ко лбу, мокрая от пота рубашка, облепившая мощный торс, его дьявольская улыбка, его глаза, полные тёмного огня. Сердце сжалось в груди, и я на мгновение зажмурилась, прогоняя видение. Кай заметил это.

— Оу, прости, — сказал он. — Я не хотел делать тебе больно, напоминая об этом узурпаторе.

— Заткнись, — прошипела я, не открывая глаз.

Кай кивнул и продолжил уже другим тоном, более деловым:

— Я предлагаю тебе сделку.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Сделка? Опять? Сколько ещё сделок мне предложат, прежде чем я наконец перестану быть товаром, который можно обменять, продать или подарить?

— Что за сделка? — спросила я с подозрением.

Вместо ответа Кай повернулся, подошёл к оружейной стойке, что стояла у края лужайки, и взял два тренировочных меча. Один он оставил себе, а второй кинул мне. Я поймала его на лету, чувствуя, как рукоять ложится в ладонь.

— Мы устроим тренировочный бой, — сказал Кай. — Как тогда. Помнишь?

Я помнила, как его рука обхватила мою талию, когда я споткнулась, как Эрон смотрел на нас чернея от ярости. Это было так давно, словно было в другой жизни.

— И в чём же суть сделки? — спросила я, поигрывая мечом.

Кай встал в стойку и улыбнулся.

— Если выиграешь ты, — сказал он, — я рассказываю тебе всю правду. Всё, что знаю. Без утайки, и даю тебе свободу. Ты сможешь делать со своей жизнью всё, что захочешь.

Я поморщилась. Как забавно, как невероятно, чудовищно забавно. Все они — Эрон, Вильям, мать, а теперь и Кай — пытаются продать мне мою же свободу и мою же жизнь. Будто это товар, который принадлежит им, словно я сама не имею на него права. Словно я вещь, которую можно передать из рук в руки. Я усмехнулась.

— А если выиграешь ты? — спросила я.

Кай улыбнулся шире.

— А если выиграю я, — произнёс он медленно, смакуя каждое слово, — то ты станешь моей, и подчинишься мне как новому королю.

Я вспыхнула от этого бесконечного, невыносимого чувства, что все вокруг считают себя вправе распоряжаться мной. Я запрокинула голову и истерично рассмеялась.

— Какой мне прок от твоей сделки?! — выкрикнула я. — Вы все пытаетесь продать мне мою же свободу! Но она не ваша вещь! И мне не нужна твоя лживая правда! И твоей я никогда не стану!

Кай стоял, всё так же улыбаясь, и ждал, пока я выговорюсь.

— Я предъявлю тебе доказательства, принцесса, — сказал он серьезно. — Настоящие доказательства. Не слова, не слухи, не домыслы. Факты.

Я покачала головой. Мои пальцы сжались на рукояти меча.

— Я не верю тебе, — отчеканила я. — И не поверю твоим «доказательствам».

Кай тяжело вздохнул.

— Тогда, — произнёс он, — если выиграешь ты, я позволю тебе отрубить мне голову.

Я расхохоталась. Честное слово, я чуть не подавилась собственным смехом. Он стоял передо мной и предлагал мне свою голову на блюде, как будто это была безделица. Как будто я могла поверить хоть одному его слову.

— Ну да, конечно, — выдохнула я, отсмеявшись. — Позволишь. Так я тебе и поверила.

Но Кай не смеялся. Он отбросил тренировочный меч в сторону — тот упал на траву, и взял со стойки два настоящих клинка. Один меч он оставил себе, а второй кинул мне. Я поймала его обеими руками, чувствуя, как рукоять холодит ладони. Кай встал в стойку. Его тело напряглось, мышцы перекатились под тканью рубашки, и глаза усталились на меня с хищной сосредоточенностью.

— Давай, принцесса, — сказал он, словно приглашая меня на танец. — Это твой шанс.

Я смотрела на меч в своих руках, на его лезвие, на своё отражение в стали. Потом перевела взгляд на Кая. Он стоял и ждал. Несколько мгновений я просто дышала, вдыхала холодный воздух, пахнувший прелыми листьями и близким дождём. Думала, взвешивала, а потом одним резким движением сорвалась с места, занося меч над головой, и бросилась на него.

Я сражалась так, как не сражалась никогда в жизни. Боль, злость и отчаяние, что клотало во мне, как лава в жерле вулкана, рвалось наружу через каждый удар, каждый выпад, каждый свист клинка, рассекающего воздух. Я вымещала на Кае всё. Всю ту муку, что скопилась во мне за эти недели. Всю ту ненависть, что я испытывала к нему. Я била по его клинку с такой силой, что мои руки гудели от отдачи, и каждый удар отдавался в плечах острой болью, но я не останавливалась.

Кай отбивался, его движения были всё теми же плавными, точными, почти ленивыми. Он парировал мои удары один за другим, уклонялся, уходил в сторону. Он не нападал, только защищался, и это бесило меня ещё больше.

— Дерись со мной! — закричала я, обрушивая на него очередной удар. — Дерись, трус! Хватит притворяться!

Он не ответил, только улыбнулся. Моё дыхание сбивалось, мышцы ныли, но я не сдавалась. И вдруг удача. Мой клинок задел его плечо, не глубоко, но достаточно, чтобы на коже расцвело алое пятно. Кай поморщился, сделал шаг назад и повернул голову, глядя на рану. На одно короткое мгновение его внимание рассеялось. Я застыла и смотрела на его плечо и на его лицо, искажённое лёгкой гримасой боли. Я резко бросилась на него, занося меч, чтобы воспользоваться моментом. Но Кай резко развернулся, и его клинок встретил мой с такой силой, что мой меч отлетел в сторону, а я сама, не удержавшись на ногах, рухнула на землю.

Стража дёрнулась вперёд, их руки легли на рукояти мечей, и я услышала, как один из них спросил:

— Ваше Величество! С вами всё в порядке?

Кай поднял руку, останавливая их.

— Всё хорошо. Отойдите. — Он перевёл взгляд на меня, всё ещё лежащую на земле, и добавил: — Если принцесса Элира ранит меня — с ней ничего не должно случиться. Это приказ. Ясно?

Стражники переглянулись, но подчинились. Они отошли назад. Я лежала на холодной земле, тяжело дыша, и чувствовала, как трава щекошет мою щёку. Меч валялся в нескольких футах от меня, и я потянулась к нему дрожащей рукой. Кай стоял надо мной.

— Продолжим? — спросил он с дружеской насмешкой.

Я схватила меч, вскочила на ноги и снова бросилась на него. Мы снова слились в этом безумном танце, но теперь Кай больше не поддавался, он сражался почти в полную силу. Его удары стали быстрее, жёстче и точнее. Он наступал, а я отступала, чувствуя, как силы покидают меня. Рана на его плече, казалось, только разозлила его, придала ему новой энергии. Его глаза горели азартом, а на губах была невыносимая улыбка.

В какой-то момент мне показалось, что всё кончено. Его клинок мелькнул перед моим лицом так близко, что я почувствовала ветер от лезвия на своей щеке. Я отшатнулась, теряя равновесие, и в этот миг он резким движением выбил меч из моей руки. Оружие отлетело в сторону, кувыркаясь в воздухе, и упало в траву. Я растерянно рванула за ним, но Кай преградил мне путь. Его клинок упёрся мне в шею, холодная сталь коснулась кожи, и я замерла. Кай схватил меня за руку и притянул меня к себе, я оказалась прижатой к его груди. Он наклонился к моему уху и прошептал:

— Ты проиграла, принцесса...

Глава 7

«Вот она, ваша свобода»

Ночь опустилась на восточные земли, как чёрное покрывало, расшитое серебряными бусинами звёзд. Луна, бледная и ущербная, висела низко над горизонтом, и её призрачный свет заливал холмы, поросшие вереском, и тёмную полосу леса, что тянулась вдоль старого тракта. Где-то вдалеке выли волки, и их протяжный, тоскливый вой разносился над равниной, как плач по мёртвым. Армия Тёмного Царя возвращалась в Трапзон. Долгий, изнурительный переход через земли, разорённые войной, через поля, усеянные обгорелыми остовами телег и побелевшими костями павших. Солдаты шли молча, и их шаги сливались в глухой, монотонный гул. Кони всхрапывали, чуя близость волков, и всадники успокаивали их, поглаживая по взмыленным шеям.

Лорд Хамер ехал впереди. Его серый жеребец ступал по разбитому тракту тяжело и устало. Сам Хамер, закутанный в подбитый мехом плащ, казался частью этого мрачного пейзажа — такой же суровый и обветренный как сама эта земля. Он молчал уже много часов, с тех пор как они выступили из-под Дрейнбурга, оставив за спиной дымящиеся руины столицы. Слишком многое произошло за эти дни, слишком много было потерь.

Вдруг Хамер натянул поводья. Его конь остановился, всхрапнув и мотнув головой, Лорд прищурился, вглядываясь в темноту. Там, впереди, за полосой леса, что подступал к самому тракту, мерцал огонёк. Слабый, дрожащий, едва заметный. Костёр, кто-то разбил лагерь на опушке леса, в стороне от дороги.

— Милорд? — окликнул его один из всадников.

Хамер поднял руку, приказывая колонне остановиться. Его глаза не отрывались от далёкого огонька.

— Там кто-то есть, — произнёс он. — В такой глуши, в такой час... — Он помолчал, размышляя. — Это могут быть разбойники, или беженцы, или разведчики врага. — Он повернулся к своим людям. — Десяток со мной. Остальные — ждать здесь. Без шума.

Десять всадников отделились от колонны и двинулись вслед за Хамером. Они ехали медленно, стараясь не греметь оружием, и копыта их коней ступали по мягкой земле почти бесшумно. Лес подступал всё ближе, и вскоре они уже пробирались между деревьями. Огонёк становился ярче, и вскоре Хамер уже различал отблески пламени на стволах деревьев и запах дыма, смешанный с запахом жареного мяса.

Они выехали на небольшую поляну. Посередине горел костёр — небольшой, но жаркий, сложенный из сухих веток. Рядом с ним, на поваленном бревне, сидел человек. Он был молод и его лицо было покрыто грязью и колотью. Русые волосы, спутанные и давно не видевшие гребня, падали на лоб. Одет он был в дорожный камзол с гербом Мордвудов — серебряная башня на лазурном поле, но камзол был изорван, испачкан и кое-где прожжён.

Когда всадники выехали на поляну, он вскочил на ноги так быстро, словно его подбросило пружиной. Меч вылетел из ножен с тихим, свистящим звуком, и он встал в боевую стойку. Хамер поднял руку, останавливая своих людей, и слез с коня. Его сапоги глухо ударились о землю, и он шагнул вперёд, выходя в круг света, отбрасываемый костром.

— Дорн, — произнёс он. — Опusti меч. Это лишнее. Я не буду с тобой драться.

Но Дорн не опустил клинка. Его пальцы лишь сильнее сжали рукоять.

— А я бы с удовольствием подрался с тобой, предатель, — выплюнул Дорн. — С каким удовольствием я бы проткнул тебя этим мечом.

Хамер тяжело вздохнул и опустился на поваленное бревно у костра. Пламя плясало между ними, отбрасывая на их лица дрожащие тени.

— Никто не хотел этой войны, Дорн, — сказал он тихо, глядя в огонь. — Ни я, ни твой отец, ни те, кто пошёл за Тёмным Царём. Но лжекороля нужно было свергнуть. Ты понимаешь это? Человек, что сидел на троне Аргариона, был самозванцем и узурпатором. Он убил настоящего принца Эрона и занял его место. Твой отец служил лжи. — Он поднял глаза на Дорна. — Теперь всё наладится. Вот увидишь. Мы построим новый мир.

Дорн горько рассмеялся.

— Ничего не наладится, Хамер! — выкрикнул он. — Ты тупоголовый старец, если думаешь, что от самозванца из Грендома будет больше толку, чем от безумного короля Эрона! Ты променял одного узурпатора на другого и называешь это победой?

Хамер печально усмехнулся.

— Тёмный Царь и не будет сидеть на троне, — сказал он. — Он никогда этого не хотел. Всё, что он делал, — он делал ради законной наследницы. Ради принцессы Элиры. — Он посмотрел Дорну прямо в глаза. — Она дочь настоящего принца Эрона. Единственная законная наследница престола Аргариона. Кроме неё, никто не имеет права там быть.

Дорн покачал головой. Его лицо исказилось гримасой отвращения.

— И ты веришь этому? — спросил он. — Веришь, что этот грендвудец, этот колдун, этот Тёмный Царь — просто благородный рыцарь, что расчищает путь для законной королевы? — Он сплюнул на землю. — Вы все глупцы, если верите в добродетель этого самозванца. Он использует вас, а когда получит то, что хочет, — вы станете не нужны.

Хамер не ответил. Он сидел у костра, глядя на пляшущие языки пламени. Дорн всё ещё стоял с мечом наизготовку.

— Возвращайся с нами в Трапзон, — произнёс наконец Хамер. — Твой отец... он в плену, но он жив. Мы не хотели его смерти. — Он поднял глаза на юношу. — Ты можешь занять его место в Башне Ветров. Стань лордом, как и он. Помоги нам отстроить то, что было разрушено.

Дорн посмотрел на него с презрением.

— Я не стану сидеть за одним столом с предателями, — отчеканил Дорн. — Я вернусь в Башню Ветров лишь тогда, когда она будет очищена от мерзких крыс, что заполонили её. — отрезал он.

Хамер тяжело вздохнул и посидел ещё мгновение, глядя в огонь, а потом медленно, с трудом поднялся. Его суставы хрустнули, и он поморщился от боли в старой ране.

— Ты же понимаешь, что мы не можем тебя отпустить? — спросил он, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление. — Ты сын Олдрика, наследник Башни Ветров.

Дорн нахмурил брови.

— Вот она, ваша свобода, — произнёс он медленно. — Вот он, ваш новый мир. Моего отца держит в плену сосунок Крейн, а старый друг и товарищ моего отца берёт в плен меня. — Он покачал головой. — Вы все лживые твари. Все до единого.

Хамер закрыл глаза. На мгновение он выглядел так, словно на его плечи опустилась вся тяжесть мира, потом он открыл глаза и повернулся к своим людям.

— Взять его, — приказал он. — Живым.

Стража двинулась вперёд, и они окружили Дорна полукругом. Тот не стал ждать и с криком, полным ярости и отчаяния, он бросился на ближайшего стражника. Дорн бился, как загнанный зверь, он развернулся, отбивая удар второго стражника, и его клинок мелькал в свете костра, как молния. Он пнул одного из нападавших в колено, и тот рухнул на землю с проклятием. Но их было слишком много, пока Дорн отбивался от двоих спереди, третий стражник зашёл сзади. Удар прикладом меча обрушился на его затылок. Дорн пошатнулся, его глаза закатились, пальцы разжались, и меч выпал из его руки. Он рухнул на колени, а потом лицом вниз, в холодную землю.

Хамер стоял неподвижно, он смотрел на юношу, что лежал у его ног, и его лицо было мрачнее тучи. Потом он повернулся к стражникам.

— На лошадь его, — приказал он. — И будьте осторожны. Если с ним что-то случится — ответите головами.

Дорна подняли и потащили к лошадям. Его голова безвольно моталась, руки висели, как плети, и только слабое дыхание, что вырывалось из его губ облачками пара, говорило о том, что он ещё жив. Хамер проводил его взглядом.

— Прости меня, Олдрик, — прошептал он в темноту, и ветер унёс его слова. — Прости. Он вскочил на коня, развернул его и, не оглядываясь, поскакал обратно к колонне.

Глава 8

Элира

Я всё ещё чувствовала его дыхание на своей коже. Его слова «ты проиграла, принцесса» — всё ещё звучали в моей голове, как эхо далёкого грома. Я стояла, прижатая к его груди. Он смотрел на меня и ждал моей реакции. Его глаза были полны торжества, тёмного и сладкого, что бывает у охотника, загнавшего добычу. Он снова наклонился к моему уху.

— Теперь ты моя, принцесса, — прошептал он.

Он отстранился и заглянул мне в глаза. Меня чуть не вывернуло. Желчь подступила к горлу, и я сглотнула её, чувствуя, как на языке остаётся горький привкус. Я замерла, мои мышцы напряглись, и я перестала дышать, ожидая, что будет дальше, что он сделает, как далеко зайдёт.

Кай резко прижался своими губами к моим. Это не было поцелуем — это было нападение. Его рот впился в мой с жадностью изголодавшегося зверя, и я почувствовала его язык, что пытался проникнуть внутрь, пытался вкусить меня, завоевать, подчинить, но я не собиралась сдаваться. Мои челюсти сжались, и я впилась зубами в его нижнюю губу до крови, как дикий зверь, что защищает свою последнюю территорию. Кровь хлынула мне в рот с металлическим привкусом. Я думала, он отшатнётся, думала, закричит от боли, но Кай только застонал так чувственно, и его стон прозвучал как что-то среднее между болью и наслаждением, а потом он укусил меня в ответ. Его зубы сомкнулись на моей нижней губе с той же жестокой силой, и я почувствовала, как моя собственная кровь смешивается с его, и я застонала, пытаясь отстраниться. Но он не отпустил. Вместо этого он отбросил меч в сторону и обеими руками схватил меня за плечи. Одно резкое движение и мир перевернулся, моя спина ударилась о землю. Он навалился сверху, накрывая меня своим телом, и его колени прижали мои бёдра к земле. Его руки перехватили мои запястья и завели их над головой, прижимая к холодной траве. Я была распята. Беспомощна. В ловушке. Я сплюнула кровь, что скопилась во рту, и она растеклась по траве рядом с моей головой, потом я подняла глаза на него и оскалилась.

— Никогда я не буду твоей, — прошипела я.

Кай улыбнулся и покачал головой.

— Никогда не говори «никогда», — ответил он. — Я покажу тебе истинную маску твоего любимого лежестарца, и тогда ты поймёшь, кому ты отдала своё сердце.

Мои пальцы, прижатые к земле, сжались в кулаки.

— Я знаю, что он сделал с тобой, — продолжил Кай. — Я знаю, Элира. Это ужасно. То, что этот монстр творил с тобой... это ужасно.

Я улыбнулась.

— Это ужасно лишь для тебя, — произнесла я с улыбкой. — Ведь ты бы хотел быть на его месте? Ведь ты хотел бы, чтобы не он, а ты засовывал в меня свои пальцы, доводя до оргазма. Не так ли?

Лицо Кая исказилось, и маска добродушия, что он носил с таким мастерством, треснула, обнажая то, что скрывалось под ней. Его глаза потемнели, желваки заходили под скулами, и я увидела в них такую ярость, такую чистую, незамутнённую злобу, что на мгновение мне стало страшно. Я никогда не видела его таким. Но страх быстро сменился удовольствием, его злость причиняла мне радость — тёмную, извращённую и такую сладкую.

— Ведь ты бы хотел, чтобы твоё имя срывалось с моего рта в момент наслаждения, а не его, — продолжила я. — Ведь так?

Мне было плевать, откуда он узнал о нашей связи с Эроном. Плевать, кто ему рассказал, плевать, как долго он шпионил за нами. В этот момент всё, чего я хотела, — это мучить его так же, как он мучил меня. Разорвать его маску и заставить его страдать.

Кай резко отпустил мои запястья и встал. Он отряхнулся и его лицо снова стало спокойным, но я видела, как дрожат его пальцы, и как напряжены плечи. Я приподнялась на локтях, не вставая с земли, и искривила губы в улыбке.

— Что такое, Тёмный Царь? — спросила я. — Что-то не так?

Кай повернулся ко мне, его лицо снова было маской — спокойной и доброжелательной.

— Ты всё равно уже проиграла, юная принцесса, — сказал он. — А значит, ты и так уже моя. Что бы ты ни говорила и что бы ты ни делала.

Он махнул рукой страже. Четыре фигуры в тёмных доспехах отделились от деревьев и двинулись ко мне, и я знала, что сейчас меня снова отведут в мою клетку. Я сидела на земле, приподнявшись на локтях, и смотрела вслед Каю. Он уходил по дорожке сада, и его фигура постепенно удалялась, растворяясь в сером свете дня.

Стражники подошли и окружили меня. Их руки легли мне на плечи, поднимая с земли, и я не сопротивлялась. Я позволила им вести меня обратно в Цитадель, обратно в мою клетку.

Я шла, чувствуя, как кровь всё ещё сочится из прокушенной губы. Солоноватый, металлический вкус не исчезал, сколько бы я ни сплёвывала, и язык то и дело касался ранки, напоминая о том, что только что произошло. Губа распухла и пульсировала тупой, ноющей болью, и эта боль странным образом отрезвляла. Она возвращала меня в реальность, в этот холодный, серый, бесконечный коридор Цитадели Пепла. Я думала о Кае и о его лице, искажённом злобой, о том, как маска треснула под моими словами, обнажая то, что скрывалось под ней. Я запомнила это и теперь я знала его слабость. Он хотел меня не как пешку в своей политической игре, не как наследницу престола — а как женщину. И это желание, которое он так старательно прятал за маской доброжелательного друга, было его уязвимым местом.

Мы свернули за угол, и мои мысли оборвались. В дальнем конце коридора стояла женская фигура, стройная и высокая, с длинными светлыми волосами. Я замерла. Кастилия? Нет. Этого не может быть. Я, должно быть, брежу. Должно быть, удар головой о землю во время боя оказался сильнее, чем я думала. Она не могла быть здесь. Не могла. Она должна была погибнуть, или бежать, или попасть в плен. Но не стоять здесь, в коридоре Цитадели Пепла, одетая в шёлк и жемчуга, как ни в чём не бывало. Я моргнула, ожидая, что видение исчезнет, но оно не исчезло. Более того оно двинулось. Кастилия повернула голову, и её ледяные глаза встретились с моими. Её губы изогнулись в улыбке. Она смотрела прямо в мою душу, а потом она подняла руку и помахала мне так легко и небрежно, как машут старой знакомой, встреченной на прогулке.

— Кастилия... — прошептала я.

Я шагнула вперёд, но стража преградила мне дорогу.

— Принцесса, вам сюда, — произнёс он.

— Пусти! — я рванулась, пытаюсь вывернуться из его хватки. — Пусти меня! Я должна...

Но они уже тащили меня к двери моих покоев. Замок щёлкнул, дверь распахнулась, и меня втолкнули внутрь, и я рухнула на пол. Кастилия. Что она здесь делает? Я снова и снова прокручивала в голове эту сцену — её лицо в конце коридора, её улыбку, её издевательский взмах рукой. Она не была пленницей, она не была испуганной. Но этого не могло быть, я же видела своими глазами, как войска Тёмного Царя шли вместе с брэндуудской армией. Я видела, как они напали на наш кортеж. Я видела, как убили её отца. Если только...

Меня осенило, и от этой догадки внутри всё похолодело. Если только она не была заодно с Каем с самого начала. Если только она не знала о предательстве. Если только она не согласилась на него. Она заодно с Каем. Другого объяснения нет. Она предала собственного отца, брата, мать, свое королевство. И ради чего? Ради мужчины? Ради власти? Ради того, чтобы стать королевой рядом с Тёмным Царём? Какая же она мерзкая. Ещё более мерзкая, чем я думала, а я-то надеялась, что в ней есть хоть что-то человеческое, что за всей этой надменностью, за всей

этой холодной красотой и ядовитыми словами скрывается обычная девушка, которая просто боится за своё будущее.

Глава 9

Башня Ветров.

Армия вошла в Трапзон на рассвете. Серое небо, затянутое низкими тучами, висело над землёй и холодный ветер, что дул с восточных гор, гнал по улицам сухие листья. Трапзон изменился за время войны. Некогда оживлённые улочки, полные торговцев, ремесленников и весёлого шума, теперь лежали в запустении. Дома стояли с заколоченными ставнями, на дверях висели замки, проржавевшие от дождей, а кое-где и вовсе зияли пустые глазницы выбитых окон.

Хамер ехал впереди колонны. Он ехал к Башне Ветров, где держали Олдрика, он хотел показать плененному лорду его сына. Живого и невредимого. Хотел, чтобы старый лорд увидел Дорна своими глазами, а потом Хамер собирался сказать ему: «Вот твой сын, старый друг. Я обещал тебе, что не причиню ему вреда, и я сдержал слово. А теперь давай сложим оружие, признай своё поражение, обними своего мальчика. Хватит смертей». Он представлял эту сцену снова и снова, пока ехал через разорённые земли. Представлял, как Олдрик увидит Дорна и наконец поймёт: война окончена. Можно остановиться, можно простить. И тогда, быть может, старая дружба, что когда-то связывала двух лордов, возродится из пепла, как феникс.

Дорн висел на лошади позади Хамера. Его руки были связаны за спиной грубой верёвкой, что натёрла запястья, а во рту торчал кляп — кусок грязной ткани, что заглушал его голос. Он не мог говорить, но его глаза говорили за него, полные ненависти и боли, они сверлили спину Хамера, не отрываясь ни на секунду. Когда колонна достигла развилки дорог, Хамер поднял руку, приказывая остановиться. Он развернул коня к своим людям и обвёл их взглядом.

— Распределитесь по участкам! — скомандовал он. — Проверьте границы, выставьте дозоры. Врага здесь нет, но осторожность не помешает. Я отправляюсь к Башне Ветров.

Воины начали расходиться, направляясь к своим постам, а Хамер, перекинув пленника на свою лошадь, тронул поводья и направил коня по узкой тропе, что вела к Башне. Она показалась издалека как древний страж. Её стены были покрыты трещинами и следами штурма, пробоины от ядер, обгорелые зубцы, чёрные пятна копоти, но башня всё ещё стояла. Гордая. Несломленная. Как и её хозяин. Хамер спешил к подножия холма и повёл лошадь вверх по каменистой тропе. Его сердце билось быстрее обычного, и он чувствовал, как в груди разрастается надежда на прощение. Он приближался к воротам, и в его голове уже звучали те слова, что он скажет Олдрику. Но когда он поднялся на вершину холма и увидел вход в Башню, его мир рухнул, а сердце словно перестало биться.

У ворот, прямо в центре каменной площадки, в землю было вкопано копьё. Высокое, с древком из тёмного ясеня, оно торчало из земли, как надгробный крест, и на его острие, насаженная, как кусок мяса на вертел, красовалась голова Олдрика Мордвуда. Время и непогода уже начали своё пиршество: кожа на лице почернела и обтянула череп, придавая ему сходство с мумией, глаза, когда-то серые и пронзительные, были выклеваны птицами, и теперь пустые глазницы зияли, как два колодца, ведущие в преисподнюю, рот был приоткрыт в беззвучном крике, и на губах запеклась чёрная кровь, волосы, седые и редкие, слиплись в колтуны, и в них копошились жирные зелёные мухи, что облепили голову со всех сторон. Их жужжание разносилось над площадкой, и этот звук был хуже любого крика.

Хамер вскочил с коня и резко замер, его ноги словно приросли к земле. Он стоял, не в силах пошевелиться, глядя на то, что осталось от его старого друга. Его лицо побелело, как мел, а потом налилось кровью — густой, тёмной, что прилила к щекам и вискам. Он схватился за грудь, туда, где бешено колотилось сердце, и почувствовал, как пальцы сжимаются на ткани дублета, комкая её. Воздух застрял в лёгких, и он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть — только стоял и смотрел. Смотрел на мух, что ползали по лицу Олдрика.

Дорн закричал. Это был не крик, это был вой, приглушённый кляпом, он вырвался из его груди, как рёв раненого зверя, и в этом звуке было столько боли, столько муки, столько отчаяния, что, казалось, сами камни Башни содрогнулись. Он рванулся в своих путах, пытаясь освободиться, пытаясь броситься к отцу, и верёвки впились в его запястья, раздирая кожу до мяса. По его щекам текли слёзы — жгучие, они прокладывали дорожки сквозь грязь и пыль, и он выл, выл, выл, не в силах остановиться.

Хамер пошатнулся, его колени подогнулись, и он едва не рухнул на землю, но удержался, схватившись за поводья. Перед глазами всё плыло, и он видел только эту голову. Голову человека, которого он обещал взять живым, которому он поклялся, что его никто не тронет, и вот что осталось от этой клятвы. Он резко повернулся. Его взгляд метнулся через долину, туда, где раскинулся лагерь, туда, где должен был находиться Крейн. Лицо Хамера затряслось и исказилось такой яростью, какой он не испытывал никогда в жизни.

— Крейн... — прошипел он сквозь зубы, и это имя прозвучало как проклятие. — Я убью тебя, сволочь. Своими руками. Клянусь богами.

Он вскочил на коня, к которому был привязан Дорн, и ударил пятками по бокам животного. Лошадь всхрапнула и понеслась вниз по склону, к лагерю. Ветер хлестал Хамера по лицу, и его борода развевалась за спиной, как знамя. Дорн, всё ещё связанный, мотался на лошади, как кукла, и его рыдания сливались с топотом копыт. Лагерь встретил их тишиной. Солдаты, что остались здесь, бродили между палатками, их движения были вялыми, неуверенными, и при виде Хамера они опускали глаза, словно боялись встретиться с ним взглядом. Хамер спрыгнул с коня у палатки Крейна — большой, украшенной фиолетовым знаменем, и, бросив поводья ближайшему стражнику, рявкнул:

— Увести его! Головой отвечаете за него!

Двое солдат подбежали к лошади и начали отвязывать Дорна. Тот уже не кричал, только тихо всхлипывал, и его плечи вздрагивали от рыданий. Хамер не стал смотреть на это, он рванул полог палатки и влетел внутрь, готовый схватить Крейна за горло, вытащить его наружу и бить, бить, бить, пока его лицо не превратится в кровавое месиво, но палатка была пуста. Походная кровать застелена, стол чист, бумаги аккуратно сложены. Ни Крейна, ни его оружия, ни его доспехов. Хамер вылетел обратно наружу, и его глаза горели таким бешенством, что стражники попятились.

— Где Крейн?! — прорычал он, хватая ближайшего солдата за грудки.

— В-в усадьбе, милорд... В вашей усадьбе. У леди Милисандры...

Лицо лорда, только что красное от ярости, вдруг стало серым. Его дочь, которой едва исполнилось шестнадцать. И этот ублюдок, этот самовлюблённый щенок, который убил Олдрика и выставил его голову на копье, он там? С ней?

— Какого чёрта... — прошептал Хамер, и его голос сорвался на хрип.

А потом он закричал, это был рёв медведя, раненного в самое сердце. Он отшвырнул солдата в сторону, вскочил на коня и вцепившись в гриву, поскакал к усадьбе. Его жеребец летел по улицам Трапзона, вздымая копытами грязь, и ветер выл в ушах Хамера, но он не слышал ничего, кроме стука собственного сердца.

Глава 10

Брендвуд. Королевские покои.

Вечер опустился на Лендрон, и его улицы тонули в сером сумраке. Гонец Сед прибыл в столицу на закате. Его корабль пришвартовался в порту ещё утром, но дорога от побережья до столицы заняла несколько часов, и теперь, усталый, покрытый дорожной пылью, он стоял перед массивными дверями королевских покоев. В его руке, дрожащей от усталости и волнения, был зажат свиток, — ответ короля Лиам и королевы Лиззи.

Стража отворила перед ним двери, и Сед шагнул внутрь. Гарольд стоял у окна, глядя на тёмные кроны дубов за стеклом. Королева Лили сидела в кресле у камина. В отличие от сына, она выглядела безупречно, как и всегда. Сед опустился на одно колено и склонил голову.

— Ваше Величество, — произнёс он. — Я привёз ответ из Камертона.

Он протянул свиток обеими руками. Гарольд повернулся от окна и уже сделал шаг к гонцу, но Лили оказалась быстрее. Она вскочила с кресла, пересекла комнату и выхватила свиток из рук СEDA. Её движение было таким резким, таким властным, что гонец вздрогнул.

— Но, Ваше Величество, письмо адресовано королю...

Лили бросила на него взгляд. Её глаза сузились, и на лице отразилось такое высокомерное презрение, что Сед осёкся на полуслове, так и не договорив. Он опустил голову, пробормотал что-то невнятное и, пятясь, вышел из покоев. Дверь за ним закрылась.

Лили развернула свиток. Её пальцы слегка дрожали, и она нервно поднесла свободную руку к губам, кусая костяшку пальца. Её глаза бегали по строкам, быстро, жадно, и по мере того, как она читала, напряжение на её лице сменялось облегчением. Наконец она выдохнула и протянула свиток сыну.

— Читай, — приказала она.

Гарольд взял письмо. Его пальцы коснулись пергамента, ещё хранившего тепло материнских рук, и он начал читать:

«Королю Гарольду Брендвудскому, с прискорбием и надеждой.

Мы, Лиам и Лиззи, король и королева Камертона, скорбим вместе с вами о безвременной кончине вашего отца, короля Вильяма, да упокоят боги его душу. Он был нашим верным другом и союзником, и его утрата — это рана, что не скоро заживёт.

Однако скорбь не должна затмевать разум. Тёмный Царь представляет угрозу для всех Пяти Королевств. Камертон готов протянуть вам руку помощи. Наш флот, сильнейший на всём Аверлоне, выйдет в море и ударит по Грендвуду, отвлекая силы короля Алекса. Мы понимаем, что основная тяжесть войны ляжет на наши плечи, так как силы Брендвуда очень ослаблены, и вы не готовы воевать на равне с нами. Поэтому, в знак нашего нерушимого союза, мы предлагаем скрепить его браком.

Наша юная дочь, принцесса Сисилия, достигла брачного возраста. Мы предлагаем её руку вам, король Гарольд. Брачный союз между Брендвудом и Камертоном станет залогом нашей общей победы и основой для мира, что наступит после войны.

Если вы согласны, просим вас прибыть в Оазис Сенд для заключения брака, оставив в Брендвуде наместника, коему вы доверяете.

Камертон всегда ждёт своих друзей. Да благословят боги наш союз.

С надеждой и верой,

Лиам и Лиззи Камертонские»

Гарольд дочитал. Его пальцы, сжимавшие свиток, дрогнули, и он, резко выдохнув, отшвырнул письмо на стол. Пергамент скользнул по полированному дереву и замер у края, свесившись уголком.

— Но, мама, — произнёс он, — мы не можем выполнить их условий.

Лили удивлённо подняла брови. Её лицо, только что выражавшее облегчение, теперь стало холодным и напряжённым.

— Это почему ещё? — спросила она.

Гарольд повернулся к ней.

— Я уже помолвлен на принцессе Элире, — воскликнул он. — На Элире, которая, между прочим, сейчас в плену у нашего врага! У Тёмного Царя! Я должен спасти её. Я должен выполнить свой долг. Я обещал ей, её матери. Я обещал...

— Гарольд! — Лили схватила сына за плечи, и её пальцы впились в ткань его дублета. — Ты в своём уме вообще?! — Её голос сорвался на крик, пронзительный и резкий. — Какая Элира?! Забудь о ней! Забудь обо всех договорённостях! Аргарион пал! Мы даже не знаем, жива ли она!

Гарольд отступил на шаг. Её пальцы соскользнули с его плеч, и он посмотрел на мать косо и исподлобья.

— Вы ведь с Кастилией никогда не любили Элиру, — произнёс он тихо. — Вы всегда плохо к ней относились, насмехались над ней за её спиной. Вы называли её болотной девчонкой. — Он перевёл дыхание, и его голос стал твёрже. — Для вас нужна была лишь выгода и власть. Вам было плевать на её душу. Правда, мама?

Лили вспыхнула. Её лицо, такое бледное и аристократичное, залилось краской гнева, неровными пятнами, как будто кто-то плеснул вином на белую скатерть.

— Ты с ума сошёл?! — закричала она. — Очнись же! Очнись, Гарольд! Нас ждёт такая же судьба, как и твою Элиру! Как Аргарион! Тёмный Царь придёт за нами! И если мы откажем Камертону — мы останемся одни! Понимаешь ты это?! Одни против всей этой орды! — Она ткнула пальцем в сторону окна, за которым темнели дубы. — Ты женишься на их принцессе! Это не обсуждается! Понял?!

Гарольд отвёл взгляд. Его глаза заматались по комнате и наконец остановились на собственных сапогах. Он опустил голову, и его плечи поникли.

— А как же Элира? — спросил он тихо, почти шёпотом.

Лили закатила глаза и вскинула руки к потолку в жесте отчаяния.

— Боже мой, сынок! — воскликнула она. — Не говори мне, что ты влюбился в эту болотную девчонку! Этого ещё не хватало!

Гарольд молчал. Он стоял, опустив голову, и смотрел в пол, и в его молчании было больше ответа, чем в любых словах. Лили пристально вгляделась в его лицо, и её гнев начал угасать. Она подошла к нему ближе и взяла его за подбородок, заставляя поднять голову.

— Послушай меня, — сказала она, и её голос стал почти ласковым. — В любом случае мы ничем ей не поможем без помощи Камертона. Ты же это понимаешь? — Она заглянула ему прямо в глаза. — Наша армия разбита. Мы одни, Гарольд. Совсем одни. И если мы не заключим этот союз — мы погибнем. И тогда Элире уже точно никто не поможет.

Она провела большим пальцем по его щеке.

— Так что прошу тебя... не делай глупостей. Хорошо?

Гарольд тяжело вздохнул. Его плечи опустились ещё ниже, и он, не поднимая глаз, медленно кивнул.

— Хорошо, — прошептал он. — Я... я согласен.

Лили улыбнулась и тяжело выдохнула.

— Вот и умница, — сказала она и поцеловала его в лоб.

Глава 11

Зал совета. Цитадель Пепла.

Вдоль стен тянулись каменные скамьи, на которых когда-то сидели советники короля Эрона — лорды, генералы, казначеи. Теперь они пустовали. Кай сидел во главе длинного дубового стола. Он сидел на месте короля. Это кресло было создано не для него, и Кай это чувствовал каждой клеточкой своей кожи. Он добился всего, чего хотел. Дрейнбург пал, армия лжекороля разбита, армия Брендвуда перешла под его командование, принцесса Элира, единственная законная наследница престола, сидела в своих покоях под надёжной охраной. Всё, ради чего он жил последние десять лет, свершилось. Но вместо торжества внутри была пустота, и эта пустота болела. Кай провёл ладонью по подлокотнику, чувствуя, как холодный обсидиан царапает пальцы. Он смотрел на свои руки, которые убили больше людей, чем он мог сосчитать, и сейчас, в этом кресле, они казались ему чужими.

Справа от него сидел Гилдон. Главнокомандующий брендвудской армии. На его плечах покоился зелёный плащ, скреплённый брошью в виде черепа. Его руки лежали на столе, пальцы были расслаблены, спина прямая, как на параде. Глаза были пусты как бездна, абсолютная, бездонная, лишённая даже намёка на присутствие души. Гилдон смотрел прямо перед собой, и в его взгляде не было ничего — ни мысли, ни воли, ни тени того, кто когда-то командовал тысячами, кто был так предан своему королю. Всё это исчезло, выпитое до дна магией Туманного моря. Кай знал, что он сделал, знал, какую цену заплатил за этот союз. И, глядя на пустые глаза Гилдона, он чувствовал, как кресло под ним становится ещё холоднее и ядовитее. Словно оно хотело отравить предателя, уничтожить.

Дверь отворилась, и в зал вошёл Ричард. Высокий, светловолосый мужчина лет тридцати пяти, с резкими чертами лица. Он был одет в тёмно-синий дублет из кожи. На шее, как и у Кая, темнела татуировка, что поднималась от ключицы к самому уху. Ричард опустился на стул напротив Гилдона и, закинув ногу на ногу, уставился на главнокомандующего. Несколько мгновений он просто смотрел. Потом его губы искривились в странной, почти брезгливой усмешке.

— Какие же они всё-таки безмолвно пугающие в таком состоянии, — произнёс он.

Кай словно вырвался из своих мыслей. Он повернул голову и посмотрел на Ричарда. Тот перехватил его взгляд, и усмешка исчезла, сменившись внимательным, изучающим выражением.

— Король просит тебя не затягивать с браком с Элирой и твоей коронации, — сказал Ричард. — Что там с принцессой?

Кай отвёл взгляд и повернулся к окну. Тишина затягивалась, становясь всё тяжелее, всё гуще. Наконец Ричард тяжело вздохнул и поднялся. Его сапоги застучали по каменному полу, и он остановился за спиной Кая.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты сам не свой с того момента, как мы взяли город.

Кай медленно повернулся.

— Мой отец... — начал Кай.

— Твой отец — король Алекс, — резко перебил Ричард. — Наш отец.

Кай фыркнул. Горькая усмешка искривила его губы, и он снова отвернулся к окну, скрестив руки на груди. Ричард нахмурился, и его брови сошлись на переносице.

— Если бы отец знал, что ты станешь таким нытиком... — протянул он.

Кай резко повернул голову.

— Тебе легко говорить! — выпалил он, вскакивая с кресла. — Это я вырос на чужой земле, в чужой семье! Я, а не ты!

— Да сколько можно уже, Кай! — Ричард взмахнул рукой, и его голос сорвался на крик. — Отец растил тебя как родного, перестань...

Кай расхохотался. Это был злой, лающий смех.

— Как родного? — переспросил он. — Я всегда был для него чужим. Инструментом для мести. Он меня таким и растил! — Кай раскинул руки в стороны. — Я большую часть жизни провёл на берегах Туманного моря, в заливах и пещерах Безмолвных! Я мёрз там, голодал, учился! А потом ещё почти пять лет лизал пятки старику Вильяму, улыбался его детям и до сих пор мне приходится терпеть эту мерзкую принцесску Кастилию! И всё ради того, чтобы великий и ужасный король Алекс смог отомстить!

Он ткнул пальцем в грудь Ричарда. Его палец упёрся в серебряную пряжку дублета.

— Ты же в это время сидел дома, в Грендоме! Кушал кабанов и перепёлок, пил вино, трахал баб, жил в тепле и сытости! Конечно, Ричард, мы равны! Конечно!

Лицо Ричарда исказилось злобной усталостью.

— Мне надоели твои сопли, — процедил он сквозь зубы. — Ты должен быть благодарен за то, что отец спас вас с матерью от голодной смерти и принял вас в семью!

Кай снова рассмеялся.

— Да, да, да... Спас, — прошептал он. — А потом измучил мою мать до смерти.

— Таковы правила в Симоне! — выкрикнул Ричард.

Кай замолчал. Он стоял, глядя в пол, и его плечи медленно опускались, словно из них выходил весь воздух. Ричард тяжело дышал, но его гнев тоже начал угасать. Он посмотрел на брата и шагнул вперёд. Его рука легла на плечо Кая.

— Я всегда любил тебя как младшего брата, Кай, — сказал он тихо. — Неважно, что делал и говорил отец.

Кай не ответил, он даже не пошевелился. Ричард убрал руку и, сделав шаг в сторону, встал рядом с ним, глядя в то же серое небо.

— Я узнал, что Гарольд уехал из столицы, — произнёс он с деловым сосредоточением. — Похоже, Брендвуд хочет объединиться с Камертоном. Это наш шанс. Брендвуд сейчас очень слаб.

Кай медленно поднял голову. Его взгляд скользнул по залу и остановился на Гилдоне. Главнокомандующий всё так же сидел неподвижно, глядя в пустоту. Пустая оболочка.

— Мы ещё не закончили войну здесь, — сказал Кай.

— Посади Кастилию в Лендроне и занимайся дальше Аргарионом, — возразил Ричард. Кай усмехнулся.

— Она тупая как консервная банка. Она не сможет править королевством.

Ричард повернулся к брату и улыбнулся.

— Так она будет под руководством. — Он сделал паузу, и его улыбка стала шире, обнажая зубы. — Я поеду с ней, брат.

Кай посмотрел на него, он видел в глазах Ричарда азарт, который так сильно пугал его с детства.

— Хорошо, — сказал Кай наконец.

Ричард кивнул, хлопнул его по плечу и направился к выходу. Его шаги затихли в коридоре. Дверь закрылась и Кай остался один. Он продолжил стоять у окна, глядя на Дрейнбург, и чувствовал, как холод обсидианового трона всё ещё отравляет его спину.

Глава 12

Трапзон.

Усадьба Хамера стояла на холме, что нависал над окраиной Трапзона, — старое здание из серого камня с остроконечной крышей и узкими окнами, забранными коваными решётками. Хамер почувствовал неладное, едва его конь вылетел на подъездную дорожку, едва он увидел фиолетовые знамёна, что свисали с башен, заменив собой его родовой стяг. Он спрыгнул с седла, даже не привязав коня. Его сапоги ударили по каменным ступеням крыльца, и дверь, которую он распахнул, ударилась о стену с такой силой, что с потолка посыпалась пыль. Слуги шарахались от него, прижимаясь к стенам. Он видел их испуганные, бледные лица, отводящие глаза. Они знали, все они знали.

Хамер взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Перед глазами всё ещё стояла голова Олдрика на копье. Мухи. Кровь. Пустые глазницы. И Крейн, этот щенок, этот ублюдок, был здесь. В его доме, в комнате, которая когда-то была их с женой спальней.

Дверь распахнулась. Хамер застыл на пороге. Комната изменилась, его кровать, где он спал с Изольдой, где появились на свет его дочери, была застелена чужим покрывалом, на столике у окна стоял графин с вином, в камине горел огонь, а в его кресле вольготно развалившись, сидел Крейн. Молодой лорд держал в руке серебряный кубок, из которого пила Изольда в день их свадьбы. Он поднёс его к губам, сделал глоток и улыбнулся надменной, самодовольной улыбкой.

— Я ждал тебя, мой старый друг, — произнёс Крейн, со сладким торжеством. Хамер почувствовал, как внутри него лопается последняя нить рассудка.

Он взревел и бросился вперёд. Его глаза залило кровью, мир стал багровым, и в этом багровом мире не было ничего, кроме лица Крейна, его улыбки, его самодовольства. Хамер схватил молодого лорда за ворот дублета и выдернул из кресла, как куклу. Крейн был лёгким, податливым, и когда первый удар обрушился на его лицо, он даже не попытался уклониться. Кулак Хамера, огромный, как кузнечный молот, врезался в скулу Крейна с влажным, отвратительным хрустом. Кровь брызнула на стену, на камин, на фиолетовое покрывало. Второй удар, третий, четвёртый. Хамер бил его методично, яростно, вкладывая в каждый удар всю ту боль, что клокотала в нём. Лицо Крейна превращалось в кровавое месиво — разбитые губы, расквашенный нос, вспухающий глаз, но он не сопротивлялся, он даже не пытался защищаться. Он просто улыбался, сквозь кровь, сквозь боль, сквозь град ударов. Его губы изгибались в довольной, почти блаженной усмешке, и эта усмешка пугала Хамера больше, чем всё остальное.

Дверь распахнулась. Стража ворвалась в комнату и набросилась на Хамера, оттаскивая его от Крейна. Он отбивался, его кулаки всё ещё молотили воздух, его ноги пинали, его тело извивалось, как у змеи. Кто-то ударил его под колено, и он рухнул на пол. Стражник навалился сверху, прижимая его лицом к холодным камням, кто-то скрутил руки за спиной. Хамер рычал, брызгая слюной.

— Отпустите меня! — ревел он. — Я ваш лорд! Я приказываю вам! Отпустите немедленно! Вы все ответите за это головами!

Никто не отпускал, их руки держали его крепко, и они молчали. Крейн медленно поднялся с пола. Его движения были неторопливыми. Он опёрся на спинку кресла, вытер кровь с разбитых губ тыльной стороной ладони и сплюнул на каменный пол. Сгусток крови растёкся по серому камню и Крейн наклонился над Хамером. Его лицо, превратившееся в кровавую маску, всё ещё хранило эту проклятую улыбку.

— Оу, нет, нет, нет, — произнёс он, покачивая головой с ласковым сожалением. — Ты больше не лорд.

Хамер замер. Его тело всё ещё дрожало от ярости, но слова Крейна проникли сквозь эту ярость и вонзились в мозг. Он поднял голову, насколько позволяла хватка стражников, и его глаза, всё ещё налитые кровью, впились в лицо молодого лорда.

— Что ты несёшь? — прохрипел он.

Крейн выпрямился. Он прошёл к столу, взял графин и налил себе ещё вина, не торопясь, словно наслаждаясь каждым мгновением этой сцены. Он сделал глоток, причмокнул губами и снова опустился в кресло. Теперь, когда он сидел, а Хамер лежал на полу, скрученный и беспомощный, их позиции стали символичны. Крейн расставил ноги в стороны, упёрся локтями в колени и наклонился вперёд, глядя на Хамера сверху вниз.

— Я понимаю твою озадаченность, — произнёс он издевательски сочувственно. — И я тебе объясню. После того, как вы отправились в поход на столицу, нам пришла весточка. О смерти Саймона. И о твоей смерти.

Хамер рванулся в хватке стражников.

— Но я не умер! Я жив! Отпустите меня, это приказ!

Крейн рассмеялся.

— Вот вы все, старики, такие, — сказал он, качая головой. — Не умеете слушать. Вечно перебиваете. — Он вздохнул и снова приложился к кубку. — Милашка Милисандра погрузила пару деньков. А потом...

— Не смей! — взревел Хамер, и его голос сорвался на визг.

— Уже посмел, — ответил Крейн, и его улыбка стала шире, обнажая окровавленные зубы. — О, она так хороша, свежа, юна и строптива. Настоящий огонь. Я таких люблю. Твоя дочь, Хамер... — он сделал паузу, смакуя каждое слово, — ...она невероятна.

Хамер закричал. Это был вопль, полный такой боли, что, казалось, сами камни должны были расколоться. Он рванул вперёд с такой силой, что стражники, державшие его, пошатнулись, но удержали. Его лицо побагровело, на виске вздулась жила, и он выкрикивал проклятия, одно за другим, бессвязные, полные ненависти.

— Я хочу видеть свою дочь! — проорал он, когда его голос наконец обрёл способность произносить слова. — Немедленно! Дай мне увидеть её!

Крейн поцокал языком.

— Нет, нет, мой дорогой лорд. Точнее, уже НЕ лорд. — Он снова рассмеялся. — Как только Милисандра тебя оплакала, мы поженились. И я, — он взмахнул кубком, описывая в воздухе круг, и вино плеснулось через край, — стал лордом почти всего Трапзона. Осталась лишь Башня Ветров. Но благодаря тебе... — он наклонился вперёд, и его глаза блеснули, — ...ты привёз Дорна сюда. Я и с ним разберусь.

Он откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

— То, что ты жив, останется тайной для большинства. Твои воины и советники теперь мои, ведь я законный муж твоей старшей дочери. — Он язвительно пожал плечами и отпил ещё вина.

Хамер тяжело дышал, а его глаза горели смертоносным огнем.

— Как ты посмел убить Олдрика? — прохрипел он. — Дорн убьёт тебя. Он никогда не встанет на твою сторону. Никогда. Ты сдохнешь от его руки.

Крейн улыбнулся и поставил кубок на стол.

— Я знал, что ты так скажешь, — произнёс он. — Однако... кто предал семью Дорна? Кто отдал приказ идти на Башню Ветров и взять в плен Олдрика? — Он сделал паузу, и его улыбка стала шире. — ТЫ.

Слова ударили Хамера, как самая болезненная пощёчина.

— Ты, не переживай. Я договорюсь с мистером Дорном так или иначе. А ты займёшь почётное место рядом со старым другом Олдриком!

Крейн рассмеялся торжествующе. Потом он махнул рукой страже.

— Уведите его в темницы. Пусть подумает о своём месте в новом мире.

Стражники дёрнули Хамера вверх. Он пытался сопротивляться, пытался вырваться, но их было слишком много. Они поволокли его к двери, и его ноги скользили по каменному полу. Хамер выкрикивал проклятия и клялся, что убьёт Крейна, что разорвёт его голыми руками, что вернётся и сожжёт эту усадьбу дотла. Но дверь захлопнулась, и его крики стихли в глубине коридоров.

Глава 13

Дрейнбург. Цитадель Пепла.

Внутренний двор Цитадели был залит утренним светом. Карета уже ждала — массивная, обитая тёмно-зелёным бархатом, с гербом Брендвуда на дверцах, на которой пытались покинуть Аргарион семья короля Вильяма в день осады. Вокруг суеились слуги, закрепляя сундуки, и десяток всадников в доспехах брендвуда уже сидели в сёдлах, ожидая приказа. Кони всхрапывали, били копытами по плитам, и пар от их дыхания поднимался в холодном воздухе.

Кастилия стояла у кареты и вид у неё был такой, словно её вели на казнь. Светлые волосы были убраны в пучок, и ветер выбивал из него тонкие пряди, что вились вокруг её лица, как серебряные змеи. Её губы дрожали, в глазах стояли слёзы, и она смотрела на Кая так, словно он был единственным человеком во всём мире, ради которого стоило жить.

— Я не хочу уезжать, — произнесла она с капризной интонацией. — Почему я должна уезжать? Почему ты не можешь поехать со мной?

Кай подошёл к ней и взял её руки в свои. Он погладил её ладони большими пальцами, медленно, успокаивающе.

— Мы уже говорили об этом, Кастилия, — сказал он нежно и ласково. — Твой брат в бегах. Он покинул столицу, и Брендвуд сейчас без правителя. Это идеальная возможность. Ты должна быть там, ты нужна своему народу.

— Но почему ты не можешь поехать со мной?! — повторила она визгливо. — Пусть Ричард останется здесь! Пусть он занимается Аргарионом! А ты... ты нужен мне!

Она вырвала руки из его хватки, подалась вперёд и обвила его шею. Её пальцы вцепились в ткань его дублета, сжались с отчаянной силой, и она уткнулась лицом в его плечо. Её плечи задрожали.

— Я не хочу одна, — прошептала она. — Я не могу одна. Пожалуйста, Кай. Пожалуйста.

Кай обнял её. Его руки сомкнулись на её спине, и он прижал её к себе. Он погладил её по волосам, по спине, чувствуя, как она дрожит.

— Ты не одна, — сказал он тихо. — Ричард будет защищать тебя и помогать тебе во всём. Я доверяю ему больше, чем кому бы то ни было.

Кастилия отстранилась, подняла на него заплаканные глаза, и в них промелькнула тень подозрения.

— Но почему ты не можешь поехать? — спросила она. — Ты говоришь, что нужен здесь. Но зачем? Кому ты нужен? Элире?!

Её голос стал резким, и в нём прозвучала ревнивая нотка, которую Кай слышал уже много раз. Она смотрела на него исподлобья, и слёзы всё ещё текли по её щекам, но теперь в них была не только грусть, но и злость.

— Может быть, ты хочешь остаться с ней? — выпалила она. — Может быть, ты предпочёл эту болотную девчонку мне?

Кай улыбнулся, и, подняв руку, коснулся её щеки, стирая большим пальцем слезу. Его прикосновение было нежным, но в глубине зелёных глаз, которые смотрели на неё с таким теплом, промелькнуло что-то холодное. Что-то, чего Кастилия, ослеплённая своей любовью, не замечала.

— Я никогда не променяю королеву на пустышку с топей, — произнёс он, и его голос звучал так искренне, что даже самый опытный лжец позавидовал бы ему.

Кастилия дула губки, её лицо всё ещё было мокрым от слёз, но она уже не плакала. Она смотрела на него выжидающе и требовательно, словно ребёнок, который знает, что сейчас получит желаемое, и просто ждёт, когда взрослый наконец сдастся. Кай наклонился и поцело-

вал её так, как целуют тех, кого боятся потерять. Его губы коснулись её, и он почувствовал, как она тут же снова вцепилась в его дублет, как её дыхание участилось.

— Ты же помнишь, о чём мы говорили? — спросил он, отстраняясь и заглядывая ей в глаза.

Кастилия кивнула.

— Да, — сказала она. — Многие будут говорить, что Гарольд не предатель. Многие будут защищать его. Но я должна показать своему народу правду. Я должна открыть им глаза.

Кай улыбнулся и снова поцеловал её. На этот раз поцелуй был дольше, глубже, и когда он оторвался от её губ, Кастилия тяжело дышала, а на её щеках проступил румянец.

— Вот и умница, — прошептал он.

Она снова бросилась к нему, вцепилась в него так, словно он был последней опорой в рушащемся мире, и её пальцы сжали его плечи с отчаянной силой.

— Ты вернёшься за мной? — спросила она. — Обещай мне, что вернёшься.

Кай посмотрел ей в глаза.

— Как только я закончу дела здесь, я сразу же приеду к тебе в Брендвуд, — сказал он. — Обещаю.

Она смотрела на него ещё мгновение, а потом медленно, неохотно разжала пальцы. Её руки соскользнули с его плеч, и она, сгорбившись повернулась к карете. Ричард уже стоял там и протягивал ей руку, его лицо было пугающе удовлетворённым, и Кай знал, что ждет Кастилию впереди... Но ему не было ее жаль...

Кастилия, взявшись за руку Ричарда, поднялась в карету. Она села у окна и тут же прильнула к стеклу, глядя на Кая. Её губы всё ещё дрожали, а пальцы прижались к стеклу, оставляя на нём следы. Кай смотрел на неё и улыбался. Кучер щёлкнул поводьями, и карета тронулась. Кастилия всё ещё смотрела на него через стекло, и он видел, как её губы беззвучно шепчут: «Возвращайся».

Карета выехала за ворота и скрылась из виду. Стук копыт становился всё тише, пока не стих совсем. И тогда, когда во внутреннем дворе не осталось никого, кроме стражи и слуг, маска сползла с лица Кая. Медленно, неумолимо, как сползает кожа с мёртвой змеи. Улыбка исчезла, глаза, только что сиявшие теплом и нежностью, стали холодными, как лёд. Он стоял и смотрел на пустые ворота, а ветер трепал его чёрные волосы с белыми прядями. Тирк подошёл и замер в почтительном полупоклоне. Кай повернулся к нему, и стряхнув с себя последние крохи фальшивой доброты, заговорил.

— Когда вернётся отряд из Трапзона, немедленно сообщить мне. Сразу же. Понял?

Тирк низко поклонился.

— Да, Ваше Величество, — прошелестел он.

Кай, не удостоив его больше ни взглядом, ни словом, развернулся и пошёл прочь, в темноту Цитадели.

Глава 14

Элира

Я стояла на балконе и смотрела, как отъезжает карета с гербом Брендвуда. Я видела, как она вцеплялась в него, как прижималась к его груди, как он обнимал её в ответ и гладил по волосам. Это было почти трогательно и меня это забавляло. Бедная, глупая Кастилия. Она думала, что он принадлежит ей, что он любит её, что он будет её защитником, её героем, её королём. Но она не знала, какое чудовище скрывается за маской притворной доброты. И всё же, глядя на неё, я не могла не почувствовать укол странной, горькой жалости. Потому что я знала, каково это быть ослеплённой.

Карета скрылась за воротами, и стук копыт стих. Я осталась на балконе, глядя в серое небо. Я не знаю, сколько времени прошло, как я услышала шаги. Лёгкие, уверенные, они приближались из глубины комнаты, и я знала кем был мой гость. Я не обернулась и продолжала смотреть вдаль.

— Какая вы замечательная пара с принцессой, — произнесла я, не скрывая сарказма.

Кай рассмеялся и подошёл ближе.

— Ревнуешь? — спросил он.

Я истерично рассмеялась.

— Ты шутишь?

Он резко развернул меня к себе и его руки упёрлись в каменные перила по обе стороны от меня. Я оказалась между его телом и холодным камнем.

— Я понимаю, — произнёс он. — Я не настолько стар, как ты любишь. Но...

Моя пощёчина прозвенела в тишине балкона и одарила Темного Царя красным пятном. Его голова дёрнулась в сторону.

— Не смей даже упоминать о нём! — прошипела я.

Кай медленно повернул голову. Улыбка всё ещё была на месте, но теперь она стала натянутой, как струна. Он прикусил губу и покачал головой.

— Я тебе говорил, чтобы ты не смела больше этого делать, — произнёс он медленно, поправляя рукой челюсть.

Я посмотрела ему прямо в глаза и отчеканила, разделяя слоги:

— А мне пле-вать на то, что ты говорил.

Он схватил меня и одним резким движением перекинул через плечо. Я ахнула, мои волосы рассыпались вниз, и я заколотила кулаками по его спине, пытаясь вырваться. Но он держал меня крепко, его рука сжимала мои бёдра, как стальной обруч, и мои удары были такими же бесполезными, как удары крыльев бабочки о стекло.

— Отпусти меня! — кричала я, но он не слушал.

Он нёс меня по коридорам Цитадели. Я не понимала, куда он меня тащит. Моё сердце колотилось, а страх смешивался с яростью, образуя взрывную смесь. Дверь распахнулась от удара его ноги. Я подняла голову, насколько могла, и увидела Зал Совета. Кай швырнул меня на стол. Моя спина ударилась о полированное дерево. Я попыталась сесть и отползти назад, подальше от него, мои пальцы скользили по гладкой поверхности, ища опору.

— Что ты собрался делать?! — выкрикнула я.

Кай стоял у стола и смотрел на меня. Его улыбка стала шире, и в ней было что-то жуткое, почти безумное.

— Сейчас я покажу тебе правду, — сказал он. — Сейчас я открою тебе глаза на того, кого ты так любишь и защищаешь.

Он повернулся к двери и крикнул:

— Стража!

Дверь отворилась, и в зал вошёл стражник. Мужчина лет сорока, он явно не понимал, что происходит. Кай не обратил на него внимания, вместо этого он медленно, одну за другой, начал расстёгивать пуговицы своего дублета. Ткань расходилась, обнажая его торс, его мышцы, его кожу, и на его животе, чуть ниже рёбер, я увидела татуировку. Меч, объятый языками пламени. Тот самый, что я видела тогда, в Серебряном Саду, тогда он казался мне красивым, теперь же зловещим. Я смотрела на него с трепетным любопытством и смутным, нарастающим страхом. Что он задумал?

Кай снял рубашку, и, бросив ее на пол, шагнул к стражнику. Тот попятился, его лицо побледнело, и он забормотал:

— Ваше Величество... что происходит? Я не...

Кай выхватил меч из ножен стражника, тот попытался отступить, но Кай уже схватил его за волосы и притянул к себе. Его рука, сжимавшая меч, обхватила горло парня, и лезвие прижалось к его кадыку.

— Ваше Величество! — закричал стражник. — Пожалуйста! Я ничего не сделал! Я...

Кай закатил глаза. Его зрачки исчезли под веками, и когда он открыл их снова, они начали меняться, наливаясь светом, и в их глубине я увидела фиолетовое пламя. Кай заговорил, но слова звучали чуждо, словно шипение змеи.

— *Аш'ра-тха-калиман. Эш'сур-та-аргот. Ил'ман-ду-акерон...* — голос его стал намного ниже и грубее, словно и вовсе не принадлежал ему. — *Кха-лиссар. Мор-вел-да-гон. Арк-фалан-эш...*

Кай произносил слова не просто губами, он выдыхал их всем телом, и с каждым слогом татуировка на его животе вспыхивала ярче, языки пламени танцевали на коже.

— *Тор-вел-ар-калим. Эш'ра-тха-мора. Су-ун-да-аргон!* — последнее слово он почти выкрикнул, и пламя на его теле полыхнуло так, что по залу пронёсся горячий ветер.

Стражник забился в его руках. Его тело содрогалось, ноги дёргались, пальцы царапали воздух. Он пытался вырваться, но хватка Кая стала каменной, неподвижной, как статуя. Парень кричал, и в этом крике было столько ужаса, столько животного, первобытного страха, что мой глаз нервно задергался.

— Кай, прекрати! — закричала я, соскакивая со стола. — Остановись! Умоляю тебя, остановись!

Но он не слышал меня, его глаза полностью залились фиолетовым цветом, с черными прожилками, и этот свет был пронзительным, парализующим и гипнотическим. Я видела, как вены на его шее вздулись. В этот момент он был не человеком. Он резко вскрыл стражнику горло. Кровь хлынула фонтаном, заливая пол и одежду Кая. Стражник захрипел и когда хватка Кая ослабела, он рухнул на колени. Его глаза, широко раскрытые, смотрели в потолок, и в них застыл последний, предсмертный ужас. Кай повернулся ко мне. Его фиолетовые глаза уставились на меня, и в этот момент мир вокруг исчез. Зал Совета померк, растворился, обратился в ничто. Остались только эти глаза. Два фиолетовых солнца, что горели в темноте, и я не могла отвести от них взгляд. Я чувствовала, как страх захлёстывает меня с головой. Я хотела закричать, но не могла, хотела бежать, но ноги не слушались. Хотела закрыть глаза, но веки не подчинялись. Я могла только смотреть в эту фиолетово-черную бездну, что раскрывалась передо мной, как воронка, и затягивала меня внутрь.

Я провалилась сквозь его глаза. Реальность разбилась на тысячу осколков, и я падала сквозь них, как падает звезда с небосвода, сгорая в полёте. Вокруг мелькали образы — обрывки чужих воспоминаний, таких ярких, что я не могла отличить их от собственных. А потом всё исчезло, и я потеряла себя в этой бездне.

Глава 15

Элира

Я падала сквозь фиолетовую бездну, и не было ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства, только бесконечное, удушающее ничто, что сжимало мою грудь. Я пыталась закричать, но голос не слушался. Пыталась схватиться за что-то, но пальцы хватали лишь пустоту, а потом всё прекратилось.

Я стояла в коридоре Цитадели Пепла. Это был тот же замок, те же обсидиановые стены, те же стрельчатые арки, те же гобелены, но что-то было не так. Я сделала шаг вперёд, но мой сапог не издал ни звука. Я посмотрела вниз, каменные плиты были всё те же, но мои шаги не отдавались эхом. Тишина, абсолютная. Я пошла вперёд, сама не зная куда, и вдруг увидела стражника. Он стоял у поворота коридора, в доспехах с гербом Аргариона, и смотрел прямо перед собой. Я замерла. Он не двигался. Я шагнула ближе, но он даже не повернул головы. Я помахала рукой перед его лицом, но он даже не моргнул.

— Эй, — прошептала я, мой голос прозвучал глухо, словно сквозь толщу воды. — Ты меня слышишь?

Я прошла мимо него, и ещё мимо двоих слуг, что тащили корзины с бельём, и мимо леди в тёмно-синем платье. Никто не замечал меня, никто не оборачивался. Я была призраком, тенью, бесплотным духом, заточённым в чужом прошлом.

— Что происходит? — прошептала я в пустоту.

Я побежала, мои ноги несли меня по коридорам, и я не знала, куда бегу, но остановиться я не могла. Мимо мелькали лица, комнаты, лестницы. Я пробежала через Главный Зал, через Галерею Фавориток, а потом меня схватили. Какая-то сила, невидимая и неумолимая, вцепилась в мою грудь и потащила меня. Я закричала, стены замелькали, сливаясь в одну сплошную полосу, и я летела сквозь них, как стрела, пробивающая один слой реальности за другим. А потом сила швырнула меня вниз, и я рухнула на пол.

Я застонала и попыталась сконцентрировать взгляд. Перед глазами всё плыло, но я узнала эту комнату. Это были покои короля. Но всё здесь было другим. Свежее, моложе. На каминной полке стояла ваза с алыми розами. Передо мной стоял мужчина. Ему было около двадцати, может даже меньше, его чёрные волосы были зачёсаны назад, лёгкая щетина покрывала его скулы и подбородок. Одет он был в королевское красно-чёрное одеяние, и на его груди висел герб Аргариона. Я узнала его мгновенно. Эрон. Только он был моложе. Юный принц, ещё не тронутый годами и безумием, но уже носящий на лице печать какой-то глубокой, незаживающей раны.

— Эрон! — закричала я, вскакивая на ноги. — Эрон!

Но он не слышал меня. Я шагнула к нему, протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но мои пальцы прошли сквозь него, как сквозь дым. Я была ничем, пустотой. Я застыла, глядя на свою ладонь, и внутри меня разрастался ужас. Что Кай сделал со мной? И тут я увидела девушку. Она стояла на коленях у ног Эрона, и её карие волосы, густые и выющиеся, струились по плечам. Ей было едва ли восемнадцать, её кожа была бледной, почти прозрачной, на ней было короткое чёрное платье. По её щекам текли слёзы, она смотрела на Эрона с такой мольбой, с таким отчаянием, что у меня сжалось сердце.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Пожалуйста, не делай этого. Я не хотела. Я никогда бы тебя не предала. Ты же знаешь... Ты же знаешь, что я тебя люблю...

Эрон посмотрел на неё, и в его чёрных глазах горело безумие. Я видела это так же ясно, как видела его слёзы, что ещё не пролились, но уже стояли в уголках глаз. Он, боялся этой хрупкой девушки, что стояла перед ним на коленях.

— Ты рылась в моих бумагах, Миранда, — произнёс он. — Ты копалась в моих письмах.

Миранда зарыдала громче и, подавшись вперёд, обхватила его ногу обеими руками, прижимаясь щекой к его сапогу.

— Нет! — кричала она. — Нет, я не хотела! Я никогда бы не предала тебя! Я просто... я просто...

Эрон резким движением отшвырнул её. Она упала на пол и её волосы рассыпались по камню. Он отвернулся, и его плечи напряглись. Я подошла ближе, обошла его, заглянула в его лицо, и увидела, как по его щекам катятся две серебристые дорожки. Он плакал. Эрон плакал. Будущий безумный, жестокий король плакал! Миранда снова подползла к нему. Её колени были сбиты в кровь, но она, казалось, не замечала этого. Она снова вцепилась в его ногу, и её голос сорвался на визг:

— Я сохраню твой секрет! Клянусь! Клянусь всем, что у меня есть! Я никогда никому не скажу! Я люблю тебя! Пожалуйста...

Эрон вытер слёзы рукавом и резко развернулся. Его лицо было маской ярости.

— Тогда почему ты рылась в моих документах?! — закричал он. — Что ты хотела там найти?! Что ты хотела сделать с этими письмами?!

Он схватил её за лицо, опускаясь рядом с ней на колени. Его пальцы сжали её щёки, и она замерла, глядя на него, и в её глазах отражалась любовь. Настоящая, искренняя, отчаянная любовь, готовая принять всё.

— Что ты хотела сделать с этими письмами?! — повторил он, и его голос сорвался на шёпот.

Миранда всхлипнула.

— Ничего... — прошептала она. — Ничего, клянусь... Я просто смотрела... Я не хотела...

Эрон отшвырнул её снова. На этот раз он встал и отошёл к камину, опираясь рукой на каминную полку. Его спина вздрагивала.

— Ты отправляешься в ссылку, — произнёс он.

— Нет! — Миранда поползла к нему. — Нет, умоляю! Не отсылай меня! Я не предам тебя! Я люблю тебя! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Он не оборачивался. Его плечи тряслись, и я видела, как он стиснул зубы, пытаясь сдерживать рыдания. Миранда ползла, цепляясь за его сапоги, за край его плаща, и её крики разрывали тишину.

— Пощади меня! — взмолилась она. — Пощади...

— Я уже пощадил тебя тем, что не убил, — ответил Эрон.

Повисла тишина. Миранда замерла на полу, её дыхание было рваным, и она смотрела в его спину с таким выражением, словно решалась на что-то.

— Я беременна.

Эрон резко развернулся. Его лицо исказилось, и он шагнул к ней.

— Не лги мне, — прошипел он. — Закрой свой рот. Не смей лгать.

Миранда покачала головой, и по её щекам снова потекли слёзы.

— Я не лгу, — сказала она. — Я беременна. У нас будет ребёнок.

В этот момент воздух вокруг меня сгустился. Чёрный дым начал подниматься от пола, окутывая мои ноги, руки, горло. Я попыталась закричать, но дым проник в мои лёгкие, и я задохнулась. Покои короля, юный Эрон, плачущая Миранда — всё это закружилось в вихре теней и исчезло. Меня рвануло назад, сквозь стены, сквозь время, сквозь самую реальность. Я летела в пустоте, и единственное, что я слышала, это стук собственного сердца.

А потом я открыла глаза. Я лежала на холодном каменном полу. Моя голова покоилась на чём-то тёплом, и это тёплое поднималось и опускалось в такт дыханию. Я медленно, с трудом, повернула голову. Это были колени Кая. Он сидел на полу Зала Совета, прислонившись спиной к стене, и его голова была запрокинута назад. Его глаза были закрыты, лицо бледное, как у мертвеца. Вокруг нас всё ещё лежало тело стражника, и кровь его уже начала застывать,

превращаясь в тёмную, липкую лужу. Я попыталась пошевелиться, и в этот момент Кай дёрнулся. Его голова опустилась, веки распахнулись, и я увидела, как фиолетовый свет в его глазах медленно угасает, уступая место привычной зелени. Он посмотрел на меня и по его щеке скатилась слеза.

Я лежала на его коленях, глядя на него снизу вверх, и мои глаза бегали по его лицу, пытаясь найти ответ. Мои брови были нахмурены, губы приоткрыты. Я не знала с чего начать, и что сказать.

— Что... что это было? — выдавила я.

Кай улыбнулся. Улыбка была слабой и измученной.

— Ты была в моей голове, Элира, — произнёс он, сглатывая ком в горле. — Я показал тебе... воспоминание моей матери.

Я открыла рот, но слова не выходили. Они застряли где-то глубоко, как кость в горле, и я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Миранда. Та девушка в чёрном платье, что стояла на коленях перед Эроном, что умоляла его о пощаде...

Кай продолжил:

— Та девушка, Миранда... Это моя мать. — Он замолчал, и я увидела, как его кадык дёрнулся. — А лжекороль Эрон... он мой отец...

Часть Вторая

«Волчья стая»

Глава 16

Камертон. Зал совета.

Солнце только поднялось над лазурными водами, и его лучи, проникая сквозь высокие арки, играли на перламутровых стенах. Пол из лазурита и бирюзы переливался, как морская гладь в полдень, а фонтаны, что журчали в углах зала, наполняли воздух прохладной свежестью. За длинным столом сидели советники Камертона. Адмирал Ксандер, с золотистой кожей, окладистой черной бородой и татуировками на предплечьях, сидел по правую руку от трона. Рядом с ним расположились командующие портовыми гарнизонами, казначеи и пара лордов с отдалённых островов.

Король Лиам стоял у раскрытой арки, выходящей на море, и смотрел на горизонт. Лёгкий бриз шевелил его светло-русые волосы, а серебряный обруч на запястье поблёскивал в утренних лучах. Он повернулся к совету.

— Я получил подтверждение: король Гарольд и его мать, королева Лили, уже в пути. Их корабль прибудет в Оазис Сенд через два дня. Судя по всему, они готовы заключить брачный союз и военный альянс. — Он сделал паузу. — Это означает, что очень скоро наш флот выйдет в Туманное море и направится к берегам Грендома.

По залу пронёсся одобрительный гул. Ксандер перестал барабанить пальцами и подался вперёд.

— Мои корабли готовы, Ваше Величество. Двадцать галеонов, сорок бригов и полсотни лёгких каравелл — флот Камертона может выйти в море хоть завтра. Но есть одна загвоздка. — Он развернул карту, — Разведка доносит, что король Алекс выставил свою флотилию вдоль всего восточного побережья Грендома. Они перекрыли проливы и патрулируют подходы к материку. Если мы просто поплёмся через Туманное море, они нас встретят. И это будет бойня.

Один из лордов, тощий мужчина с длинными седыми усами, нервно кашлянул.

— Если мы отправим основные силы флота к Грендому, кто будет защищать Брендвуд и Аргарион? Тёмный Царь сейчас контролирует почти половину материка. Мы не можем бросить наземные королевства без поддержки. Нужно отправить войска и туда.

Ксандер кивнул.

— Значит, мы делим флот. Одна эскадра идёт к Грендому, связывает боем флотилию Алекса и не подпускает его к материку. Вторая эскадра высаживает войска на побережье Брендвуда, чтобы помочь тамошним лордам, верным Гарольду, отбить столицу. А третья эскадра идёт к Аргариону. Но для всего этого нам понадобятся люди. Много людей.

Лиам прошёлся вдоль стола, заложив руки за спину, и остановился у карты.

— Есть ещё Моргрейв, — произнёс он. — Однако, королева Астрия... мы пока не знаем на чьей она стороне...

Седой лорд с сомнением покачал головой.

— Поговаривают, что королева Астрия немного... — он покрутил пальцем у виска, — того. Никто не знает, чего от неё ожидать. Моргрейв никогда не учувствует в распрях на континенте.

— Сейчас нам нужна любая помощь, — отрезал Лиам. — Даже от странной королевы Моргрейва. Отправьте к ней гонца. Предложите союз. Пусть решает.

Советники переглянулись, но никто не стал спорить. Адмирал Ксандер уже хотел что-то добавить, когда дверь в зал открылась и стражник, вытянувшись по стойке, произнёс громко:

— Ваше Величество, аргарионцы просят аудиенции и присутствия на совете.

Лиам кивнул, и стражник отступил в сторону. Первой в зал вошла Амелия. Её пепельные волосы были собраны в тугий высокий хвост, открывая лицо, которое, несмотря на все

пережитые потрясения, оставалось сосредоточенным. На ней было свободное платье из тонкого голубого шёлка. Амелия подошла к столу и склонила голову в почтительном поклоне. Но Лиам уже смотрел не на неё. Его взгляд, как и взгляды всех советников, был прикован к тому, кто вошёл следом...

Эрон переступил порог Зала Совета, и воздух вокруг него словно сгустился. Его правая рука была перевязана бинтами, согнута в локте и притянута к шее грубой холщовой перевязью. Он был одет в простую белую рубашку с расстёгнутым воротом и свободные чёрные брюки, заправленные в тяжёлые армейские ботинки. Борода отросла, он похудел, но взгляд оставался всё тем же цепким и полным тёмного, насмешливого огня.

Он прошёл к столу с ленивой, чуть покачивающейся грацией. Лиам жестом указал на свободные места. Амелия села, аккуратно расправив складки платья. Эрон опустился рядом, откинулся на спинку стула, насколько позволяла перевязь, и оглядел собравшихся с таким видом, словно это он был хозяином дворца, а они его гостями. Амелия заговорила первой.

— Ваше Величество, я хочу поблагодарить вас от всего сердца. За то, что приютили нас с братом, за то, что дали нам кров и защиту, когда наш собственный дом был разрушен. Без вашей помощи мы бы погибли.

Лиам склонил голову.

— В Камертоне не отказывают союзникам, леди Амелия. Аргарион всегда отзывался на зов Камертона. Мы это помним. Ваш покойный отец, король Грен, сделал многое для нашего народа.

Эрон, до этого молча разглядывавший свою перевязанную руку вдруг поднял голову и усмехнулся.

— Союзники, — произнёс он, и его голос сразу приковал к себе внимание всех, кто сидел за столом. — Забавное слово. Знаете, Ваше Величество, я всегда считал, что союзники — это те, кто приходят на помощь до того, как тебе переломают рёбра и сбросят сверху дохлую лошадь. — Он покрутил забинтованной рукой, поморщился и добавил: — Но, как видите, я не в том положении, чтобы жаловаться на опоздания.

По залу пробежал нервный смешок. Адмирал Ксандер со злобой уставился на Эрона.

— Рад видеть, что ранение не лишило вас чувства юмора, — заметил король Лиам.

— О, ранение лишило меня гораздо большего, — ответил Эрон, многозначительно поигрывая бровью. — Например, возможности самостоятельно застёгивать штаны. Унизительно, знаете ли, для короля.

Амелия бросила на него короткий, но выразительно злой взгляд, и Эрон, усмехнувшись, замолчал. Лиам перевёл разговор в серьёзное русло.

— Я глубоко обеспокоен судьбой вашей дочери, леди Амелия. Принцесса Элира, по последним донесениям, находится в плену у Тёмного Царя, в Цитадели Пепла. Это тяжёлая весть, но мы сделаем всё возможное, чтобы вызволить её. Я обещаю вам: как только наши корабли подойдут к Аргариону, мы начнём операцию по её освобождению.

Амелия закрыла глаза. На мгновение её лицо, такое спокойное и бесстрастное, дрогнуло. Она медленно выдохнула и произнесла:

— Благодарю.

Эрон ничего не сказал, но его здоровая рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак. Ксандер снова склонился над картой.

— Итак, господа, — начал он, — давайте обсудим диспозицию. Эскадра «Север» идёт к Грендому, эскадра «Юг» — к Брендвуду. Третья эскадра, «Запад», подойдёт к Дрейнбургу с долины. Но прежде, чем мы начнём высадку в Аргарионе, нам нужно знать, что творится в столице. У Тёмного Царя сейчас в руках почти вся армия Брендвуда, и он наверняка укрепил город.

— Я знаю Дрейнбург, — произнёс Эрон. — Я знаю каждую бойницу, каждый тайный ход, каждый подземный тоннель. Цитадель Пепла кажется неприступной, но у неё есть слабые места. Я покажу их, когда понадобится. — Он помолчал и добавил, криво усмехнувшись: — В конце концов, я прожил в этом склепе двадцать лет. Должен же быть от этого хоть какой-то прок.

Лиам кивнул.

— Тогда решено. Мы начинаем подготовку. Адмирал Ксандер, распределите корабли. Через два дня, когда прибудет Гарольд, мы официально объявим о союзе. А пока... — он повернулся к Амелии и Эрону, — прошу вас считать Камертон своим домом. Отдыхайте, восстанавливайте силы. Война только начинается.

Совет начал расходиться. Ксандер свернул карту и, бросив на Эрона уважительный взгляд, вышел из зала. Зал опустел. Амелия сидела за столом, глядя на пустующее место, где только что сидел король Лиам. Её пальцы рассеянно касались края коралловой столешницы. Она слышала, как за её спиной Эрон поднялся со своего места и остановился рядом с ней.

— Амелия, — произнёс он. — Я хотел поблагодарить тебя... За то, что спасла меня.

Она подняла голову, посмотрела на него и фыркнула.

— Не обольщайся, — сказала она, отводя взгляд. — Я сделала это не ради тебя. Я сделала это из уважения к моему мужу... Он хотел бы, чтобы я спасла тебя... Только поэтому.

Эрон улыбнулся, чуть печально. Он опустился на стул рядом с ней и несколько мгновений просто молчал. Тишина между ними была тяжёлой. Амелия резко встала, её стул скрипнул по лазуриту. Она уже сделала несколько шагов к выходу, когда вдруг остановилась и, не оборачиваясь, бросила:

— Я не прощу тебе то, что ты сделал с Элирой.

Эрон напрягся и медленно повернув голову, посмотрел на её силуэт.

— Амелия, прошу тебя... — начал он. — Я не сделал ничего такого, что ей бы не понравилось.

Она резко развернулась. В два шага она преодолела расстояние между ними и наклонилась к его уху.

— Ты мне омерзителен, Дрейк.

Эрон засмеялся.

— Давно меня так никто не называл, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза.

— Так вот, я тебе напоминаю твоё место, — отчеканила Амелия и выпрямляясь.

Он встал, преодолевая боль в рёбрах, и поднялся во весь рост.

— Интересно, — протянул он, глядя на неё, — когда вы с Эроном оставались наедине... как ты его называла? Неужто в те моменты, когда принц трахал тебя, ты кричала моё имя?

Амелия замерла, а потом её лицо залилось краской гнева. Она резко развернулась и бросилась к двери, но Эрон догнал её. Его здоровая рука крепко сжала её запястья.

— Подожди, Амелия, стой! — он засмеялся, но теперь смех был другим, почти извиняющимся. — Я пошутил. Стой.

Она резко дёрнулась, пытаясь вырваться, и в этом движении её локоть задел его раненую руку. Эрон сморщился, сдавленно охнул и отшатнулся на полшага, но удержался на ногах. Амелия замерла. Гнев на её лице сменился растерянностью, а потом виной.

— Извини, — прошептала она, глядя на его перевязанную руку. — Я не хотела... Но, Дрейк...

— Просту, — перебил он, нахмурившись и качая головой. — Не называй меня так. Это имя умерло для меня много лет назад...

Амелия тяжело вздохнула. Она смотрела на него, на мужчину, который когда-то был лучшим другом, названным братом её возлюбленного... и который любил её дочь так, как не должен был.

— Ты такой мудак, — сказала она наконец, с бесконечной усталостью в голосе.

Эрон усмехнулся.

— Спасибо, — ответил он с лёгким поклоном. — Я стараюсь.

Эрон шагнул к ней, взял её за руку и заглянул Амелии в лицо.

— Не переживай, — сказал он тихо. — Мы найдём Элиру. Обещаю тебе. Я сам, лично вырву сердце Тёмному Царю за то, что он сделал. Своими руками...

По щеке Амелии скатилась слеза. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла дрожащей и горькой.

— Прости меня, — прошептала она. — Ты ведь не виноват в этом. Это всё мы с Эроном... Мы не должны были... Мы не должны были с ним...

Эрон поднёс палец к её губам, заставляя замолчать. По щекам Амелии катились слёзы. Он смотрел на неё, и в его чёрных глазах хранилась тихая, глубокая печаль.

— Любовь не знает границ, Амелия, — произнёс он. — Я никогда не осуждал вас с принцем. Никто не вправе судить вас за это. — Он помолчал. — А потому и ты не осуждай меня за Элиру.

Амелия подняла на него глаза. Её взгляд дрогнул, она смотрела на него долго, словно впервые видела — не короля, который занял чужой трон, а того самого Дрейка, который когда-то держал на руках новорождённую Элиру и обещал защищать её ценой собственной жизни. Того самого Дрейка, который приезжал к ним, когда Эрона не стало, который поддерживал их всю жизнь... И который теперь стоял перед ней, раненый, измученный, но всё ещё несломленный и просил лишь об одном...

Амелия сжала его руку в своих ладонях, закрывая глаза. Слёзы всё ещё текли по её щекам. Эрон не двигался. Он стоял, глядя на неё, и чувствовал, как солнечный свет омывает их обоих.

Глава 17

Элира

Мы всё ещё были в Зале Совета. Я сидела, поджав ноги под себя и привалившись спиной к стене. Кай сидел напротив, прислонившись затылком к колонне и вытянув длинные ноги. Между нами, в луже застывающей крови, лежало тело стражника. Я старалась не смотреть на него, старалась не замечать остекленевших глаз, открытого рта, тёмной раны на горле. Я заставляла себя смотреть только на Кая и на его уставшее лицо. Но металлический запах, густой и мерзкий, было трудно игнорировать, он заполнял мои лёгкие, оседал на языке, и меня мутило.

— Как ты это сделал? — спросила я. — Эта магия... то, что я видела... Как?

Кай медленно поднял голову и посмотрел на меня. В его зелёных глазах больше не было фиолетового пламени, но они всё ещё хранили отблеск той древней, нечеловеческой силы, что только что текла через него.

— Ты, наверное, слышала о тех, кто обитает в пещерах на берегах Туманного моря, — начал он. — О Безмолвных.

Я кивнула. Я читала о них в книгах, в тех, где говорилось о пиратах Камертона, и о чудовищах Туманного моря. Я думала, что это сказки.

— Это не сказки, — сказал Кай, словно прочитав мои мысли. — Они существуют. Они живут в пещерах, глубоко под землёй. Они похожи на людей, но их кожа — фиолетовая, как сумерки над морем, их глаза полностью чёрные и покрыты тонкой кожей, почти прозрачной. Они почти не видят, во всяком случае, не так, как видим мы, но они чувствуют всё вокруг на таком уровне, что для них нет разницы между зрением и ощущением. Они видят пространство целиком, каждое движение, каждое дыхание, каждый удар сердца в радиусе сотен шагов.

Он замолчал, и его взгляд стал рассеянным, словно он смотрел не на меня, а в далёкое прошлое.

— Их называют Детьми Тумана, — продолжил он. — Никто точно не знает, откуда они пришли. Говорят, что они вышли из Туманного моря много веков назад и осели на острове Грен. Сами по себе они безобидны, они не нападают на людей, не ищут власти, не жаждут крови. Их магия нужна им лишь для того, чтобы защищаться. Они могут подчинять разум, управлять волей, но не так, как это сделал я. Им не нужны для этого жертвы, им не нужна кровь. Они просто... касаются твоего сознания и меняют его. Мягко, как ветер меняет направление волны.

Я слушала, мои ладони потели, и я невольно вытирала их о ткань штанов.

— Они обучают своей магии лишь тех, кто пал духом и потерял всех, — произнёс Кай. — Тех, кого люди отвергли, тех, кто остался совершенно один в этом мире. Они видят твою душу, видят твою боль. И если эта боль настоящая, если она разъедает тебя изнутри так, что ты готов умереть, — они принимают тебя.

Он коснулся своей татуировки на торсе, что всё ещё слабо мерцала.

— Эта татуировка означает, что я обладаю частью их магии. Когда моя мать умерла, и я остался совершенно одинок, никому не нужный, брошенный всеми... я отправился к пещерам Грендома. Я искал смерти, а нашёл Детей Тумана. Они приняли меня и научили своей магии для защиты...

В горле стоял комок, и я никак не могла его проглотить. Вся эта история, она была такой чужой и в то же время такой знакомой. Я тоже потеряла отца, тоже чувствовала себя брошенной, но я не пошла в пещеры искать утешения у монстров, и не пошла войной на них в чем неповинных людей. Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— И ты решил использовать их магию, чтобы уничтожить королевства? — спросила я.

Кай покачал головой и резко подался вперёд, приблизившись ко мне.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Конечно, нет. Я лишь хотел, чтобы люди узнали правду и освободились от моего отца. Он не настоящий король, Элира. Он не должен быть на троне. Он монстр, понимаешь? Он убил настоящего принца, изгнал мою мать, утопил всё королевство в крови. Я хотел отомстить ему за всё.

— И какой ценой? — выдохнула я.

Кай поднял голову вверх, к сводам Зала Совета, и тяжело вздохнул. А потом он рассмеялся и покачал головой.

— Я не хотел войны, Элира. Я не хотел этих жертв. Но многие люди слепы. Даже ты. Ты поверила этому дьяволу...

— И кто же, по-твоему, должен сидеть на троне? — спросила я издевательски. — Ты, что ли?

Кай усмехнулся и ответил просто:

— Ты.

Я опустила голову и медленно покачала ей из стороны в сторону.

— Нет, Кай, — сказала я тихо. — Ты не хочешь ни того, ни другого. Ты просто брошенный, обиженный мальчишка, который играет в войну.

Его лицо изменилось, брови опустились на глаза, тень легла на скулы, и он резко схватил меня сзади за шею. Его пальцы сжались, и он притянул мой лоб к своему.

— Мой отец убил наследного принца, — прошептал он, и в его голосе хлопотала ярость. — Он изгнал мою мать, потому что она узнала его тайну. Он убивал хороших лордов и воинов. И мои жертвы — это меньшая цена за спасение мира от этого чудовища...

Он резко отпустил меня, и я отпрянула. Кай отодвинулся, сел обратно, и его лицо снова стало спокойным. Я скрестила руки на груди, прижимая их к себе, словно это могло защитить меня.

— Что тебе нужно от меня? — спросила я.

Кай улыбнулся и шагнув ко мне, присел на корточки, оказываясь со мной на одном уровне. Его глаза смотрели на меня с какой-то странной, почти пугающей нежностью.

— Я хочу жениться на тебе, — сказал он.

Я расхохоталась, истеричные слезы брызнули из глаз, и я смахнула их рукой. Я смеялась и не могла остановиться, а когда смех наконец затих, я посмотрела на него с презрением.

— О, Боги! — выдохнула я, всё ещё всхлипывая. — Ну почему? Почему все видят во мне лишь скот для брака и утех? Сначала Гарольд, потом Эрон, а теперь ты! ...ты хочешь жениться на мне?! Зачем? Ты же сам сказал, что на троне должна сидеть я. Зачем тебе этот брак?

Кай не ответил сразу. Он поднял руку и медленно, осторожно коснулся моей щеки. Я отдернулась, но он снова потянулся ко мне, и на этот раз его пальцы легли на мое плечо, потом его большой палец скользнул по моей скуле, стирая след от пролитой слезы.

— Просто, — сказал он, и его голос слегка дрогнул, — потому что я полюбил тебя.

Я смотрела на Кая и чувствовала, как внутри меня что-то неумолимо меняется. Я ненавидела его каждой клеткой своего измученного тела, каждым ударом остатков своего сердца. Я хотела, чтобы он умер, хотела увидеть, как он захлёбывается собственной кровью, как тот стражник, что лежал сейчас на полу. Но теперь эта ненависть ушла. Она словно выгорела, как выгорает масло в лампе, оставляя после себя лишь чёрную копоть. И то, что осталось, было жалостью.

Я смотрела на него и видела не Тёмного Царя, не завоевателя и не чудовище. Я видела глупого, сломленного мальчишку, который сам не ведал, что творил. Он говорил о мести, о справедливости, о правде — но за всеми этими словами я слышала лишь одно: крик брошенного ребёнка, которому никто никогда не говорил, что его любят. И теперь он сидел передо мной, залитый чужой кровью, и говорил о любви, о которой сам ничего не знает. Мне было

его искренне жаль, но простить я не могла. За смерть, что он принёс в мою душу, за то, что он отнял у меня единственного человека, ради которого моё сердце ещё забилося и ожило.

Он говорил, что Эрон убил моего отца... Я прокручивала эти слова в голове, и они не укладывались. Да, Эрон был жесток, и я видела эту жестокость своими глазами. Но моя душа отказывалась в это верить. В тот день, на Шпиле Эрона, наши души соединились воедино, и я будто бы почувствовала всю суть его существа. И я знала, была почти уверена, что мой безумный король, был не так смертоносен и жесток, как многие считали. Возможно, Кай и не лгал мне и искренни в это верил...

Я подняла голову и с жалостью посмотрела на Темного Царя. В его глазах теплилась робкая надежда. Я взяла его руку и медленно, осторожно опустила её вниз. Его пальцы дрогнули в моей ладони.

— Однако... — произнесла я, заглядывая ему прямо в глаза, — я не люблю тебя, Кай. И никогда не смогу полюбить так, как ты хочешь.

Я встала, мои ноги затекли от долгого сидения на полу, и я слегка пошатнулась. Отряхнула штаны, поправила волосы и, не оглядываясь, направилась к двери. Я уже почти коснулась ручки, когда его голос ударил меня в спину:

— Это потому, что ты всё ещё любишь его?

Я замерла, и моя рука зависла над дверной ручкой. Перед моим внутренним взором, как вспышка молнии, возникло его лицо, и его дьявольская улыбка. «Уходи, моя королева». Боль пронзила мою грудь, вскрывая еще не зажившую рану. Я схватилась за сердце, чувствуя, как оно рвётся на части.

— Того, кого я любила, — ты убил, — произнесла я. — И любви больше нет в моём сердце. Ты убил вместе с ним моё сердце, Кай.

Я дернула дверь на себя. Она распахнулась, и передо мной, загораживая проход, встали двое стражников в тёмных доспехах, их руки лежали на рукоятках мечей. Я усмехнулась. Я совсем забыла, что была пленницей. Все эти разговоры, эти откровения, эти признания в любви — они ничего не меняли. Я всё ещё сидела в клетке. Кай поднялся, и его голос стал холодным и властным — голосом Тёмного Царя, а не сломленного мальчишки.

— Отведите принцессу в её покои, — приказал он.

Стражники расступились, давая мне пройти. Я шагнула в коридор, чувствуя их взгляды на своей спине.

Глава 18

Трапзон.

Засов в темнице лязгнул и тяжёлая, железная дверь отворилась. В камеру, грубо подталкиваемый в спину, ввалился Хамер. Он рухнул на колени и дверь за его спиной захлопнулась. Несколько мгновений он не двигался, стоял на четвереньках, тяжело дыша, пальцы царапали камень. А потом из дальнего угла камеры, из темноты раздался смех. Дорн сидел, привалившись спиной к сырой стене, вытянув ноги в рваных сапогах и скрестив руки на груди.

— Какая же ирония судьбы, — смачно произнёс он. — Не находишь, лорд?

Хамер медленно поднял голову. Свет факела упал на его опухшее лицо, в багровых кровоподтёках.

— Прости меня, — тяжело выдохнул он. — Прости, Дорн. Я не знал... Я не думал, что всё так обернётся. Крейн обезумел. Он посмел пойти против воли Тёмного Царя. Но когда царь узнает...

Дорн снова рассмеялся.

— Ты всё ещё не понял? — спросил он, отсмеявшись. — Ты, старый воин, который прошёл через сотню битв и видел столько смертей, что ими можно было бы засеять целое поле, — ты до сих пор так наивен?

Хамер посмотрел на него непонимающе, и Дорн покачал головой со снисходительной жалостью.

— Твой Тёмный Царь, — произнёс он так, словно объяснял прописную истину, — плевать хотел на тебя, на моего отца, на меня, на всех нас. Ты думаешь, Крейн посмел бы сделать то, что он сделал, без ведома своего господина? Ты думаешь, он выставил бы голову Олдрика на копье, если бы не был уверен, что ему за это ничего не будет?

Хамер открыл рот, чтобы возразить, но не нашел подходящих слов. Он хотел сказать, что это невозможно, что Тёмный Царь обещал ему справедливость, обещал новый мир, обещал, что Олдрик будет жить, но чем дольше он смотрел на болезненную ухмылку Дорна, тем яснее становилось осознание. Как трещина, что ползёт по льду, пока не расколется его до самого дна.

Крейн действовал не один, ведь он был трусом, он не посмел бы убить Олдрика и захватить земли Хамера, если бы за его спиной не стоял кто-то, кто дал ему на это разрешение. Кто-то, для кого все они, и Хамер, и Олдрик, и Дорн — были не более чем фигурами на доске, которые можно двигать, менять и выбрасывать по мере надобности. Это осознание влилось в голову лорда как яд — медленно, капля за каплей разливаясь по жилам. Хамер почувствовал, как что-то внутри него обрывается. Его лицо побелело, а дыхание сбилось. Он схватился за грудь, туда, где бешено колотилось сердце, и пальцы его скрючились на ткани дублета, сминая её в комок. Воздух вокруг стал густым, вязким, и каждый вдох давался с таким трудом, словно его лёгкие заполнялись не воздухом, а расплавленным свинцом.

— Хамер? — голос Дорна донёсся словно издалека.

Перед глазами Хамера проплывали образы: лицо Олдрика, и его голова на копье. Его дочь, Милисандра, Августина, и лицо, умирающей жены. Крейн, ухмыляющийся в его кресле. И над всем этим, он увидел тень Тёмного Царя, безликую и равнодушную, как небо, что взирает на людские страдания, не смея вмешаться в их дела.

Он задыхался. Его рот открылся, но воздух не шёл в лёгкие, словно кто-то сдавил ему горло невидимой рукой. Хамер начал заваливаться на бок, хватая ртом пустоту, и его глаза расширились от страха. Дорн перестал улыбаться, и, забыв о своей израненной гордости, пополз к Хамеру.

— Хамер! — окликнул он, хватая его за плечи и встряхивая его. — Что с тобой? Хамер!

Но Хамер не отвечал, его губы посинели, веки задрожали, и тело начало сотрясаться в беззвучных конвульсиях. Дорн никогда не видел ничего подобного. Это не было раной, не было ударом, не было ядом, который можно выпить или выплюнуть. Это было похоже на то, как если бы сама душа человека, не выдержав тяжести, начала рваться по швам, выходя из тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.